

СПОГАДИ

У ПОШУКАХ ПРАВДИ ПРО БАТЬКА

Спогади, свідчення, документи, які друкуємо нижче, цінні не тільки тим, що розкривають маловідомі сторінки історії підпільної боротьби на Придесенні у 1941—1943 роках, а й показують, як у післявоєнній йшла неприваблива фільтрація правди, спекуляція нею, замовчування у зв'язку з цим значних відомостей про багатьох учасників антифашистської боротьби. Виключеному за анонімним наклепом у 1939 році з партії Івану Лукичу Дяченко легко вдалось за завданням підпілля втертися у довір'я гітлерівців, виконати значну роботу у справі повалення окупаційної влади. Після війни ж безпартійність загиблого керівника новобасанського підпілля стала головною причиною замовчування його імені, присвоєння заслуг підпільників іншими особами. Редакція мала намір опублікувати про це спогади сина Івана Лукича — Миколи Івановича. Але, розпочавши їх написання, він раптово у травні 1995 року помирає. Його сестра, Ніна Іванівна, незважаючи на дуже похмурі дні і незагойну рану, згодилася написати власні спогади про нелегкий пошук правди про батька. Ознайомившись з додатковими матеріалами (листом М. Дяченка, свідченнями, які вона нам надіслала), ми прийняли рішення значну частину їх опублікувати. Скорочено в окремих місцях повтори і малозначимі пояснення. Мова і стиль підтверджень, листів збережені.

* * *

Кінець серпня 1974 року. Підготовка до відзначення 30-річчя Перемоги. По всіх селах і містах уже викарбували на граніті імена загиблих під час війни. У селі Новій Басані Бобровицького району до цієї дати теж готувалися.

Закінчувалася моя літня відпустка, яку щороку ми проводили в рідному селі, в рідній хаті, що під лісом.

На декілька днів завітав зі Львова брат провідати маму, рідні місця. Удвох ішли ми до автобусної зупинки, що в центрі села. Прошкували через парк, де уже зробили чимало для відзначення свята. Коля (так ми звикли називати його в сім'ї) запропонував підійти перечитати прізвища на плитах. Імені батька нашого Дяченка Івана Лукича і всіх, хто з ним загинув, не було. Це дуже вразило нас. Чому? Адже ще з малих років від людей у селі ми чули про батька тільки схвальні відгуки, і всім відомо, що він страчений німецьким гестапо за підпільну роботу в період окупації. Важко зітхнувши, задумавшись, Коля запитав мене: «Чому?!». Я стала поряд з ним ображена, розгублена з думкою: «Випадково пропустили». «Тобі, Ніно, з Києва простіше приїхати в робочий час до голови сільради. Приїдеш, з'ясуй...». Голова сільради Василь Савич Цилюрник зустрів мене привітно і сказав, що не знає, чому прізвища батька нема на обеліску.

Він розповів, що знав Івана Лукича ще до війни як мудрого керівника, який непогано справлявся з обов'язками голови райземвідділу, голови колгоспу. Про себе розповів, що був на фронті, а після війни багато років працював у сусідньому селі Піски, звідки О. Є. Кривець — Герой Радянського Союзу. Голова сільради додав, що від пісківців чув про І. Л. Дяченка тільки позитивні відгуки, що під час окупації Лукич (так його звали всі) приїздив у Піски в ролі бургомистра, проводив збори людей, допомагав сім'ям фронтовиків пайками, захищав від угону в Німеччину, виручав від

арештів, рятував... Говорили, що, поки живий був Лукич, Піски і всі села в лісах жили спокійно. А після його арешту і страти через півроку внаслідок провокації були спалені села і ліси Бобровицького району. Я запитала у Василя Савича, куди звернутись і з якими документами, щоб занести прізвище батька і його соратників, загиблих разом з ним, на обеліск. Більше нам нічого не треба. Голова порадив дізнатись у Києві.

Не думали ми, що це, здавалось би, просте і закономірне прохання відкриє багаторічну нерівну боротьбу нас двох з братом (тільки двохи!) проти таких могутніх сил у межах колишнього Радянського Союзу. Про всі розмови і реакцію в державних установах я інформувала свого брата, який служив у Львові після закінчення Ленінградської військової академії. Одержувала від нього консультації.

У Києві я спочатку звернулася до Комісії у справах колишніх партизанів при Президії Верховної Ради. На прийомі в той день був не голова (Федоров О. Ф.), а його заступник — Леонід Петрович Дрожжин. Він уважно вислухав, запропонував написати заяву, а через місяць знову звернутися до Комісії. Порадив також, не гаючи часу, зібрати кілька спогадів-підтверджень про патріотичну роботу батька на окупованій території, відвезти їх в сільраду.

Ще у 1944 році мамі (Марії Йосипівні) запропонували взяти такі підтвердження. У неї зберігались 7 підтверджень про патріотичну роботу батька. Взявши ці підтвердження-спогади, я знову звернувся до Комісії у справах колишніх партизанів — до голови Комісії — Федорова Олексія Федоровича. Він вислухав мене, уважно перечитав підтвердження, запитав, для чого це мені треба. Відповіла, що тільки для занесення прізвища батька і тих, хто з ним разом страчений, на обеліск, адже ніхто не повинен бути забутим. Сказав, що вже підведені ризики і ніхто нічого робити не буде. А моєму брату, мені і сестрі моїй (нас троє лишилось) запропонував бути вдячними за те, що залишились живими, адже багато дітей такого віку, як ми, під час війни не вижили — померли, загинули. «А ви ще всі троє здобули вищу освіту, живете», — додав.

Пізніше я зрозуміла, чому зі мною він так говорив.

Про те, що Кривець приписав (присвоїв) рік діяльності загиблих патріотів, Федоров знав, але мовчав, бо йому було, як на мене, це вигідно. Адже підпільна діяльність його, як секретаря обкому, була тільки на крайньому північному регіоні Чернігівщини. Центральну частину Придесення вздовж залізниці Київ—Москва на багато кілометрів на північ і південь займало велике партизанське з'єднання Бовкуна. Федоров не мав з ним зв'язку. А з півднем Чернігівщини — Новобасанським (раніше Бобровицьким районом) — тим більше. Але після війни, коли всі, хто де брав участь у боротьбі на Чернігівщині, писали звіти, за чийось наказом вписували в звіти Федорова, секретаря підпільного обкому, від якого нібито йшли всі нитки керівництва. Бовкун категорично відмовився зробити це. За згадане він зазнав багато неприємностей, і його велике партизанське з'єднання не дуже прозвучало в історії. Кривець же написав у звіті, що він відчував керівництво Федорова, мав з ним зв'язок. Таким чином Федоров «охопив» своїм впливом і південь Чернігівщини. Отже, підпільний обком «діяв» по всій Чернігівщині, а керував усією діяльністю Федоров, хоч насправді було не так.

...Через місяць я знову пішла в Комісію у справах колишніх партизанів до Дрожжина Л. П., щоб дізнатись про результати розгляду заяви. Один з заступників — Нижник — заперечливо поставився до її розгляду. Ніхто нічого не розглядав, не винесли ніякого рішення. Я обурилася, заплакала. Дрожжин запропонував взяти мою заяву в архіві, який знаходився поруч. Я вийшла в коридор і опинилася біля дверей архіву. Чекаючи на його порозі, поки відшукали мою заяву, я почула розмову Дрожжина і Нижника. Перший розповідав, що знає: в Новій Басані під час війни діяла підпільна організація, партизанський загін Кулика-Князева, але офіційно вони не визнані, бо майже всі загинули, а Кривець написав уже і книгу «Багряними дорогами», в якій приписав рік патріотичної боротьби загиблих собі. Я зайшла в кабінет, тримаючи в руці листа-заяву. Набравшись сміливості, сказала: «Вибачте, але ви так голосно розмовляли, що я все чула і прошу продовжити цю розмову».

Дрожжин Л. П. запросив сісти і прочитати вголос заяву, яку я принесла. У заяві я просила занести прізвища Дяченка І. Л. і всіх, хто разом з ним страчений німецьким гестапо, на обеліск. Мотивувала я це прохання тим, що в колишньому Новобасанському районі під час окупації діяла підпільна організація на чолі з Дяченком І. Л., партизанський загін Кулика-Князева. Вказувала на зв'язок з Київським підпільним міськкомом. Про цей зв'язок ми знали із підтверджень за 1944 рік, і ще під час війни мама прикопала лист секретаря підпільного міськкому Кулика Геннадія Івановича до Лукича.

Дрожжин уважно вислухав і сказав, що для об'єктивних сторінок історії це дуже важливо, але щоб це зробити, потрібно поламати великий, уже збудований, довгобуд. Потім дістав зі столу книжку О. Кривця «Багряними дорогами» і сказав: «Ось ця книга іменується документальною, але вона на 100% — художня фантазія. Після виходу її в 1973 році в усіх інстанціях з'явилось багато листів про необ'єктивне висвіт-

лення подій. У листах згадували і Дяченка І. Л. як патріота-підпільника, страченого гестапо, але в кінці його не згадали».

Леонід Петрович Дрожжин співчутливо сказав: «Важко вам буде довести це, але знайте, що автор цієї книги не всесильний, і його можна перемогти правдивими спогадами — підтвердженням від тих людей, які працювали разом з батьком або знали його як патріота-підпільника».

Порадившись по телефону з братом і мамою, яка була свідком і учасником тих подій, я надіслала 8 листів з проханням написати спогади про батька його соратників. Незабаром на шість отримала відповіді. З підтвердженнями поїхала в сільраду і подала заяву, щоб занесли прізвища на обеліск.

Це було вже перед 9 Травня 1975 року. Але нічого зроблено не було. На бюро райкому в Бобровиці розглянули мої матеріали, рішення не прийняли, бо, мовляв, Кривець заперечує. Брат, знаючи всі труднощі початої нами справи, пише 15 січня 1975 року листа до редакції газети «Правда», описуючи всю ситуацію з проханням допомогти. Але одержує відповідь:

«Вопрос, поднятый в Вашем письме, довольно сложный. Он требует пристального рассмотрения судьбы каждого подпольщика. Поэтому мы направили письмо в Черниговский обком КПУ. О принятых мерах Вам сообщат дополнительно».

Ми не знали, що раніше, в 1971 р., в газетах «Комсомольская правда» і «Молодой коммунар» письменник Сергій Васильович Гуськов писав про підпільну роботу свого однокласника Миколи Олексійовича Печонкіна, який під час окупації був перекладачем при Бобровицькій комендатурі і мав тісний зв'язок з Дяченком І. Л. Печонкін не знав, що сім'я Дяченка залишилась живою, нам ніхто не повідомив про вихід цих публікацій. Ми дізналися про них вже в 1975 р. (Ці газети у нас зберігаються).

Кривець теж не знав, що в газетах надруковано про патріота Дяченка І. Л. Виписую із газети «Молодой коммунар» за 1971 р.: «...А там, в здании бывшей почты, раньше всех пробуждается безусый переводчик Бибрах... На сердце легла беда: расстреляны богатырь Иван Лукич Дьяченко и с ним десятки схваченных без разбора людей... Бессмертный Дьяченко умер с чистой душой: он сделал для партизан все возможное и невозможное.

...схватили и братьев Рябух, которых навещал Дьяченко. Они и возвратились в село со скорбным и гордым известием:

— Никого не выдал Лукич... Вечная память ему! ...Коварен, выходит, Бибрах, и хватка у него звериная: это он хитростью и арестовал Ивана Дьяченко. Знал, что такого бесстрашного человека так просто не взять: вооруженный, он стоил целого взвода. А Бибрах, назначив на сахарном заводе очередное совещание, переводчиков в то утро спровадил. Дьяченко, приехав из Новой Басани и не найдя Николая на месте, разыскал дома.

— Чего затевается?

— Сказали: совещание.

И Дьяченко в последний раз пожал ему руку. Бибрах объявил приглашенным, что им предстоит принять присягу, а гражданские лица по ритуалу делают это безоружными. Когда все собрались за одним столом, через окна и двери ворвались гестаповцы: они еще с ночи сидели в кустах. Так схватили богатыря Дьяченко».

До 30-річчя Перемоги С. Гуськов підготував уже рукопис книги про підпільників м. Бобровиці. Декілька сторінок в рукописі було і про Дяченка І. Л.

Секретар райкому Іванченко перечитав і дав згоду на вихід у світ цієї книги. Але вирішив повідомити Кривця, оскільки той був основним на той час «контролером» подій до 30-річчя Перемоги. Кривець категорично заборонив вихід сторінок про Дяченка.

Письменник Гуськов приїхав поговорити з ним, з'ясувати причину заборони. Кривець дуже просив викинути матеріали про Дяченка, але Гуськов сказав, що неможливо обминути такого патріота. Кривець, як нам розповідали, вмовляючи Гуськова, сказав: «Поймите, если Вы поднимете имя Дьяченко, подчеркнете всю мою партизанскую деятельность».

Він був уже насторожений тим, що я побувала раніше в райкомі із спогадами-підтвердженнями про підпільну організацію під керівництвом Дяченка І. Л. і партизанський загін Кулика-Князева. Кривець уже об'їздив всіх, хто дав мені підтвердження, залякав, декого змусив написати протилежне під диктовку, що, мовляв, Дяченко — зрадник, служив німцям. Об'їздив і тих, у кого я ще не була, попередив, щоб дітям Дяченка нічого не писали, бо будуть зняті з роботи, не дасть жому із цукрового заводу.

Літом 1975 року мій брат вступив до Ленінградської військової ад'юнктури при Військовій Академії. 28 серпня він повинен був виїхати зі Львова в Ленінград на навчання. Не знаючи, що вже затівалось у Бобровицькому райкомі, збирався відлі-

тати. Я була в селі 26 серпня і мені повідомили, що на завтра в райкомі намічено бюро райкому, де повинні бути брат і я. Розповіли, що пройшла вже репетиція скликаних на бюро, дане завдання всім 28 особам, кому що говорити проти нас, щоб вибити особливо брата з колії, довести до такого стану, щоб він зірвався, не володів собою, пришити йому нетактовну поведінку в райкомі і т. д. і т. ін. Мене дуже просили попередити Колю, щоб тримався за будь-яких обставин. Повідомлення про засідання бюро я отримала в другій половині дня 26 серпня. Але ж Коля у Львові і знала, що повинен 26—29 виїхати в Ленінград. Я терміново їду в Київ і телефоную йому, що завтра бюро райкому. Це було ввечері, годині о 20-ій. Він сказав, що вже одержав телеграму: «Срочно прибути п'ятницю на бюро райкома партії. Секретарь райкома Касьяненко».

...Завтра о 9 годині ранку треба бути в Бобровиці, а телеграма одержана увечері напередодні. По телефону Коля мені сказав, що годині о 10 вечора (22 год.) виїжджає на Київ зі Львова машиною. О 5 год. ранку він був уже в мене на квартирі в Києві. Змучений, всю ніч сам в дорозі за кермом, впав, годину заснув. Я не знаходила собі місця, уявляючи те, що вже проведена репетиція 28-ми проти одного, змученого морально і фізично.

О 9 ранку ми були в райкомі м. Бобровиці. На бюро запросили тільки одного брата, мене не пустили. Я сиділа в прихожій під дверима засідання бюро і частково чула цей судовий процес. Як мене і попередили, за розробленим сценарієм всі виступали з брехливими нападками на батька. Пропонували братові тут же письмово зректись свого батька, бо не буде йому місця в Академії, армії. Брат спокійно доводив протилежне про батька, його соратників-патріотів. Кривець вів себе дуже грубо, підтвердивши пропозицію про відречення від батька, адже свідок і активний діяч тих подій він — Кривець, а тобі, Миколо Ів., було всього 6 місяців, як я (Кривець так сказав) руками німців убрав твого батька. Це судилище продовжувалось більше трьох годин. Учасники судилища не вибили брата з рівноваги (це зовні так здавалось), витримав він облогу, а це ще більше роздратувало Кривця і всю його компанію.

О. Кривець відразу пише до Ленінграда в Академію прохання виключити Миколу Івановича Дяченка, а на мене — в Міністерство освіти в Київ, щоб зняли з роботи, бо я, як дочка зрадника Батьківщини, не маю морального права працювати в школі. Та ці листи не вплинули на нас. Брат продовжував вчитися, а я — працювати. Морально, матеріально і фізично стало дуже тяжко. За порадою Л. А. Дрожжина — із Комісії у справах колишніх партизанів ми продовжували пошукову роботу. Микола Іванович писав з Ленінграда листи, а я, працюючи в Києві, не мала ні вихідних, ні відпустки, ні свят. Ніхто нас не забезпечував коштами на відрядження. Я їхала, йшла пішки у рваному взутті або їхала на старому велосипеді, який сама ремонтувала серед поля, в лісі чи в селі. Ходила по селах колишнього Новобасанського району, збирала свідчення. Скрізь, до кого не заходила, зустрічали мене зі сльозами, бо знайомились із дочкою Лукича, якого всі дуже цінували. Говорили, що хоч Кривець і наказав не писати дітям Лукича, не можуть не написати. Дехто, правда, боявся, говорив, що піду на пенсію, напишу тоді, бо Кривець уже декого з роботи звільнив. І мерзла в дорозі, і голодна була, бо нікому нічого не дарувала за свідчення (Кривець говорив, що я всім подарунки давала), ні в кого не сідала за стіл, хоч і запрошували. Не гаючи часу, спішила назбирати свідчень більше. Назбирали ми дуже багато матеріалу про роботу підпільної організації і загін Кулика-Князева.

Але ці матеріали не брались до уваги, скрізь давили на нас так, що не можна передати. Особливо на брата. Зібраний матеріал він впорядкував і писав в усі інстанції: райком, обком, в архіви м. Києва. З усіх інстанцій прийшли відповіді, «...Для видачі архівних довідок немає підстав», «...зв'язків Дяченка Івана Лукича з діяльністю партизанських організацій на Чернігівщині не виявлено...» та ін. подібні формулювання. Компрометуючих даних про Дяченка І. Л. в архівах ніде не було. Кривець в усі інстанції пише, що Дяченко — зрадник, націоналіст, служив німцям. Голова сільради Нової Басані зайняв нейтральну сторону, райком повністю підтримав Кривця, обком теж не зацікавлений боротись за правду.

Об'єктивну лінію зайняла завідувача партійним архівом Чернігівського обкому КПУ — Філіпська Ніна Яківна, яка разом з київською колегою Кременчугською Ольгою Сергіївною відшукали багато архівних документів і допомогли розкручувати цей довгобуд, щоб добратись до правди. Брат пише листи у високі інстанції. (Додаю 1 лист на 33 сторінки). Після цього пише 9 листів у різні партійні установи, 5 листів в органи безпеки, в центральні газети, але... скрізь товсті бетонні стіни, які лобом не розіб'єш.

26 січня 1977 року Микола Іванович послав колективний лист голові комітету партійного контролю — Пельше Арвіду Яновичу. Під контролем останнього знову пустили по колу всі наші документи, листи. Комітети державної безпеки Чернігова, Києва, Москви взяли в цьому активну участь. По-новому підійшли до розгляду питання і партійні органи. У секретних архівах знайдено багато матеріалів, що компрометували Кривця як тричі дезертира, виявлено його фальшиві документи, за допомогою яких він виліз на таку висоту. Уже коли було розкладено все по місцях трьома кругами (три рази), запропонували письменнику Аркадію Сахніну опублікувати

статті. І в «Литературной газете» вийшли дві статті «Правда о героизме и подлости», «Правда всегда восторжествует». Ці статті прозвучали не тільки по всьому Радянському Союзу, а і в усьому світі. З-за кордону у редакцію «Л. г.» прийшло багато листів. Люди сміливо почали писати спогади про героїзм загиблих патріотів і підлого противника. Я їздила у Москву у видавництво, читала сама цікаві листи.

Після появи публікацій ми одержали архівні довідки про те, що Дяченко І. Л. «признан участником подпольного патриотического движения в период временной оккупации немецко-фашистскими захватчиками». Перша така довідка за 28 січня 1980 року.

Після того, як Дяченко І. Л. був визнаний як патріот-підпільник, у Кривця забрали звання Героя, позбавили інших нагород, виключили з партії. Він підключив усі свої зв'язки, сили і ін., за допомогою яких зібрав сфабриковані брехливі листи, безсоромних «свідків», яких в голодні роки забезпечував із цукрових заводів і підсобних господарств. Вони нахабно за ним ішли скрізь, їздили в Москву. Знайшов якимось шляхом вхід до Горбачова М. С., і той без ніяких підстав дав дозвіл на повернення йому звання Героя. Всі чесні люди в державних установах були обурені, але ж нічого не зробиш — наказ Горбачова. У Комісії у справах колишніх партизанів були дуже обурені і до цього часу вважають, що цей вчинок Горбачова — негідний щодо чесних людей, які виборолі правду, а він знову все поставив догори ногами.

Ніна ДЯЧЕНКО,

м. Київ.

**ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА**

г. Москва

**Копия: ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ УКРАИНЫ**

г. Киев.

ПЕРВОМУ СЕКРЕТАРЮ ЧЕРНИГОВСКОГО ОБКОМА КПУ

г. Чернигов.

ПЕРВОМУ СЕКРЕТАРЮ БОБРОВИЦКОГО РАЙКОМА КПУ

г. Бобровица, Черниговской области.

Я, Дьяченко Николай Иванович, уроженец села Новая Басань Новобасанского (в настоящее время Бобровицкого) района Черниговской области, рождения 5 февраля 1942 года, член КПСС с 1964 года, проживающий в г. Львове по ул. Новоселов, 4, кв. 43, вынужден обратиться к Вам с просьбой защитить доброе имя моего отца, Дьяченко Ивана Лукича, а значит, и имена многих десятков других людей, входивших в возглавляемую им во время Великой Отечественной войны подпольную организацию, действовавшую с самого начала войны, тесно связанную с Киевским городским подпольем и трагически погибшую в августе 1942 года, от клеветы и измышлений лица, именуемого себя коммунистом и занимающего высокий руководящий пост.

Мне стало известно, что бывший командир партизанского отряда им. Щорса, действовавшего на Черниговщине, Герой Советского Союза Александр Елисеевич Кривец обратился с письмом в ЦК КПСС, ЦК КПУ, Черниговский обком КПУ и Бобровицкий райком КПУ, в котором выдвигает обвинения в тяжких преступлениях перед Родиной на моего отца, Дьяченко Ивана Лукича, 1911 года рождения, уроженца села Новая Басань Черниговской области, перед войной работавшего председателем колхоза им. Ленина с. Н.-Басань, а во время Великой Отечественной войны — председателем райуправы этого же села.

Кривец А. Е. распространяет слухи, что Дьяченко И. Л. во время войны был предателем и националистом.

Это он заявил известному подпольщику-разведчику Печенкину Николаю Ивановичу, который был этим поражен, так как отлично знал отца по совместной работе в подполье.

Это же А. Кривец официально заявил в присутствии руководства Бобровицкого района и везде в частных беседах распространяет о моем отце подобные слухи.

Свое письмо с клеветой на отца А. Кривец послал в ЦК КПСС, ЦК КПУ, Черниговский обком КПУ и Бобровицкий райком КПУ. Поэтому и я свое письмо посылаю по этим же адресам.

Письмо будет большим, поэтому очень прошу найти возможность внимательно дочитать его до конца.

Поскольку речь идет об отце, то я и буду писать в основном о нем. Но он работал не один, он не смог бы сам столько сделать. Работала крупная подпольная организация, которую он возглавлял. Им в их благородной работе помогало множество преданных нашей Родине советских людей. Вместе с отцом и по этому делу немцы уничтожили десятки патриотов.

Сообщаю некоторые известные мне сведения из жизни и деятельности отца и прошу принять меры для того, чтобы разобраться в вопиющей несправедливости, чтобы воистину никто не был забыт и ничто не было забыто, чтобы восстановить честные имена не только забытых, но и несправедливо оклеветанных людей.

Дьяченко Иван Лукич воспитывался в бедняцкой семье. Старший брат, Дьяченко Максим Лукич, был одним из первых коммунистов в районе, активным проводником политики партии, вел активнейшую работу по коллективизации крестьянства, по борьбе с кулацкими элементами и бандитизмом, по культурному строительству на селе.

Отец (мой дед), Лука Максимович, одним из первых вступил в колхоз и во всем поддерживал своих сыновей.

Мой отец, Иван Лукич Дьяченко, был одним из активнейших комсомольцев двадцатых годов, оказывал помощь коммунистам в проведении в жизнь политики партии, вел пропагандистскую работу по вовлечению в колхоз крестьянства, участвовал в борьбе с бандами.

Во время учебы в Майновском зоотехникуме отец был комсомольцем-активистом, исполнял обязанности председателя профсоюзного комитета техникума.

После окончания техникума в 1934 году, отец работал на руководящих постах села и района, а в начале 1940 года был избран председателем колхоза им. Ленина с. Новая Басань и вывел его к началу войны из отстающих в число первых в районе.

Газета «Октябрьская заря» — орган Бобровицкого райкома партии и исполкома районного Совета депутатов трудящихся 10 ноября 1966 года в статье «Комсомольцы двадцатого года» писала:

«Давно миновали действия двадцатых годов, но в памяти моей они не стерлись. И поэтому сегодня еще раз хочется вспомнить о тех, кто оказывал помощь в возведении фундамента новой жизни, о тех, чьи сердца бились только для народа, о тех, кого подстерегали бандитские пули из-за угла. Но ничто не могло остановить движения новой истории, потому что эту историю творили на рассвете революции люди с чистой совестью, с орлиными сердцами, с мозолистыми бедняцкими руками.

Но многих товарищей уже нет среди нас. Погибли в борьбе за новую жизнь, за светлое сегодня Федор Прима, Дмитрий Архипович Сирый, участник гражданской войны, организатор колхоза в селе Николаеве, коммунист Григорий Михайлович Кохановский, Евгений Комарецкий, Иван Лукич Дьяченко...

Светлая память о них всегда будет жить в сердцах благодарных поколений новобасанцев».

Когда началась война, отец ходил в райвоенкомат, чтобы его отправили на фронт, но на фронт его не отправили, а оставили для борьбы в тылу врага.

Отец был включен в состав созданного в селе истребительного батальона.

Когда противник замкнул кольцо вокруг защищающих г. Киев наших войск, село Новая Басань осталось в этом кольце. Оставленные для организации партизанской борьбы руководящие лица района не проявили должной твердости в руководстве, и истребительный батальон, в состав которого входил отец, распался.

15 сентября 1941 г. с. Новая Басань заняли немцы.

23 сентября 1941 года в наш район прибыла отступающая с боями от Киева группа руководства Наркомата внутренних дел во главе с Т. А. Строкачем.

Отец в это время скрывался в лесу, т. к. район был полностью оккупирован немцами.

В своей книге «Наш позывной—свобода», изданной в Киеве в 1964 году в издательстве «Радянський письменник», бывший начальник Украинского штаба партизанского движения генерал-лейтенант Т. А. Строкач писал (перевод с украинского Н. И. Д.): «На рассвете 23 сентября группа оперативного состава Наркомата продолжала выход маленьким отрядом. В селе Рокитное Новобасанского района группа, в которой был и я, установила связь с подпольным районным комитетом КП(б)У, с его секретарями Шинкаренко и Коломийцем.

— До линии фронта Вам не пройти, товарищ Строкач.

Шинкаренко и Коломиец были, конечно, правы. Вечером они пришли к нам с председателем Рокитянского сельсовета Ревичким.

— Эти люди — члены Советского правительства, — сказал Шинкаренко, обращаясь к председателю сельсовета и показывая на меня и моего спутника. — И тебе, Ревецкий, как коммунисту, мы доверяем охранять этих людей... Они же тем временем нам помогут советами в создании подполья и партизанского отряда.

— Я исполню это задание, — сказал Ревецкий. Он выменял у односельчан для всех нас одежду. Мы же дали их группе два автомата, пистолет, два маузера. ...Мы проинструктировали молодых партизан, как они должны действовать, объединив свои группы в отряд. Признаюсь, что у меня было желание здесь и остаться, чтобы заняться партизанской борьбой в тылу врага».

Отец председателя Рокитянского сельсовета Дмитрия Павловича Ревецкого, о котором пишет тов. Строкач, Павел Прокофьевич Ревецкий, работавший до войны председателем колхоза, отлично знал моего отца по совместной работе в районе и познакомил его с Т. А. Строкачем. Товарищ Строкач поставил перед отцом задачу войти в доверие к немцам, устроиться к ним на работу и проводить подпольную деятельность.

Это была сложная задача. Ему было чрезвычайно опасно появляться в селе. Отца все в районе знали как активиста.

В селе в первый же день прихода войск противника местные уголовные элементы во главе с Тимофеем Зубчиком устроили казнь активистов: повырывали им языки, проделывали другие изощренные зверства и лишь после этого убили.

Такая же участь ждала и отца и нашу семью, ведь он этих уголовников как раз перед оккупацией села сдал под суд за воровство и саботаж. Но случилось так, что эшелон, в котором везли заключенных, разбомбили. Уголовники вернулись домой и прятались до прихода в село немцев. Когда же вошли немцы, они из чувства мести жестоко казнили людей, причастных к их аресту.

Приходили и за нашей семьей, но отец был в лесу, а мать с детьми пряталась в другом селе.

Но, благодаря своей находчивости и изворотливости, отцу удалось перейти на легальное положение, избежать мести бандитов, устроиться на работу и вскорости занять пост председателя райуправы.

Заняв этот пост, он начал проводить большую работу по борьбе с существующим немецким режимом. Благодаря своему легальному положению, он практически сразу оказался центром и фактическим руководителем патриотического движения района.

Он делал следующее:

1. Подбирал, готовил к борьбе и возлегал в борьбу преданных советской власти людей.

(см. подтверждение Тюпы И. А., Ревецкого Л. П., Кияшко В. Г.).

2. Систему работы немецких учреждений переделывал на советский лад.

(см. подтверждение Ревецкого Д. П.).

3. На подавляющее большинство руководящих постов в районе были поставлены преданные Родине люди.

(см. подтверждение Тюпы И. А., Кияшко В. Г. и др.).

4. Военнопленных и попавших в окружение советских военнослужащих регистрировал украинцами (немцы разрешали с лагерей отпускать украинцев по домам) и размещал их по селам, расположенным в лесах, для последующего включения их в партизанский отряд.

(см. подтверждение Тюпы И. А., Рыбина И. А.).

5. Вел пропагандистскую и разъяснительную работу среди военнослужащих и населения, особенно среди молодежи. Подсказывал молодежи и даже требовал «не сидеть сложа руки», а вооружаться и действовать. Прямо в райуправе размножались листовки и распространялись по селу.

(см. подтверждение Ревецкого Д. П., Герасименко Н. Д., Ерланской М. А.).

6. Оказывал материальную помощь семьям находящихся на фронте военнослужащих, выдавал пайки учителям и др.

(см. письмо учительницы Наумовой Н. И.).

7. Всячески восстанавливал население против существующего режима. Лиц, встретивших захватчиков «хлебом-солью», облагал налогами и поборами, которые спускали немцы, чтобы они почувствовали цену своих «освободителей».

(см. подтверждение Печенкина Н. А.).

8. Всячески срывал планы поставок в Германию. До ареста отца из района на сильно никто не был увезен в Германию на работу.

9. Спасал подвергавшихся аресту коммунистов, активистов, евреев, командиров Красной Армии и др. советских людей.

(см. подтверждение Федюк Н. М., Бандуры М. П., Явон М. А.).

Должность председателя райуправы носила чисто хозяйственный характер, он не имел отношения к арестам и другим акциям немецких властей, арестами занимались жандармерия и полиция. Но в случае необходимости отец всегда вмешивался и предотвращал гибель людей.

За время пребывания его на должности председателя райуправы в районе расстрелов коммунистов и комсомольцев не было.

(см. подтверждение Лысенко М. Ф., Озерного И. И.).

Когда зарегистрированных в комендатуре коммунистов и комсостав Красной Армии комендант хотел отправить из Н. Басани (по-видимому, куда-то в лагерь с последующим расстрелом), то отец его убедил, что их, мол, надо заставить работать на месте и восстанавливать то, что «они разрушали» перед приходом немцев и направил их на лесоразработки и насыпать плотину пруда (кстати, плотину отец, будучи председателем колхоза, строил сам и перед приходом немцев разрушил ее, чтобы немцам не досталась колхозная рыба).

Там через бывшего партизана гражданской войны, старого коммуниста, русского рабочего, посланного партией на Украину для установления советской власти, тов. Бегезова Ник., отец выявлял среди работающих лиц, желающих бороться с немцами и вовлекал их в патриотическую борьбу. Отец приезжал к работающим и проводил с ними беседы, направленные на организацию борьбы против немецко-фашистских захватчиков.

Для того, чтобы затянуть работы по восстановлению плотины, ее днем насыпали, а ночью сами разрушали.

(см. подтверждение Тюлы И. А., Бегезовой А. С., Федюк Н. М.).

10. Вел борьбу с буржуазно-националистическими элементами, которых возглавлял бывший член СВУ (Спилка вызволения Украины) Кузьма Егорович Евтушенко.

Евтушенко в середине тридцатых годов, после разоблачения СВУ, эмигрировал за границу и вернулся в село вместе с немцами. По возвращении в район он собрал вокруг себя настроенных против Советской власти людей и начали писать доносы на коммунистов, комсомольцев и беспартийных активистов Советской власти района, в том числе и на отца. Но все их доносы и списки попадали не к коменданту, а к отцу, так как переводчицы и секретари комендатуры и райуправы в то время были доверенные отцу люди. Это бывшая учительница Онищенко Оксана Юрьевна, расстрелянная немцами, Николко Юлия Сергеевна, ныне проживающая в г. Джесказган и др.

(см. подтверждение Бандуры М. П., Путяты Н. А., Федюк И. М., Печенкина Н. А.).

Видя это, предатели начали доставлять доносы в г. Нежин, Чернигов и даже Киев. Несколько раз приезжали гестаповцы из Нежина, Чернигова и Яготина для проверки доносов, но отцу всегда удавалось выйти из положения.

Подпольной организацией было принято решение об уничтожении предателей. Но Евтушенко скрылся и до гибели подпольной организации скрывался в других селах района.

После ареста отца, Евтушенко и его приближенные снова открыто появились в селе. В канун нового 1943 года они совместно с другими предателями обеспечили трагедию села, когда за один раз фашистами было уничтожено 364 мирных жителя, занесенных ими в списки коммунистов и комсомольцев.

Евтушенко К. Е., его соратник кулак Николай Дубина перед освобождением района Советской Армией вместе со своими покровителями сбежали из Советского Союза и после поселились в Англии. Евтушенко до последних лет жизни (умер 2 года назад в Лондоне) вел антисоветскую пропаганду по западным диверсионным радиостанциям. А Дубина и сейчас проживает в Англии.

(см. подтверждение Федюк Н. М., Лысенко М. Ф., Печенкина Н. А.).

11. Для раненых военнослужащих был организован в селе Бирки «подпольный госпиталь», где по селянским хатам лечились десятки военнослужащих. Излечение военнослужащих проводилось и в больницах района.

(см. подтверждение Рыбина И. Л.).

Лекарства и перевязочные материалы получали в аптеке, бинты также изготавливали в ткацкой мастерской, которую возглавляла по заданию отца Лысенко Мария Федоровна.

(см. подтверждение Лысенко М. Ф.).

12. Организовал работу по сбору и ремонту оружия для партизанского отряда, которым не только полностью был вооружен созданный в Н. Басанских лесах партизанский отряд, но и переправляли еще и в другие отряды.

(см. подтверждение Печенкина Н. А., Рябуха П. С., Нелина А. Н., Рыбина И. А., Озерного И. И. и др.).

13. В начале 1942 года была установлена тесная связь с Киевским подпольем и отец начал работать под непосредственным руководством Киевского подпольного

горкома. Член Киевского подпольного горкома тов. Кулик Геннадий Иванович весной 1942 года несколько раз приходил на встречу с отцом в Новобасанский район, а с июня 1942 года, после разгрома Киевского подпольного горкома, полностью перешел в наши края.

(см. подтверждение Бандуры М. П., Бородавко Х. П., Майсак М. В.).

В книге «Герои подполья», изданной в Москве в издательстве политической литературы, в документальной работе «Солдаты Киевского подполья» нынешний заместитель председателя Президиума Верховного Совета УССР, доктор исторических наук П. Т. Тронько по этому поводу пишет на стр. 394: «В апреле 1942 года подпольный горком партии создал из партийно-комсомольского актива, оставшегося на оккупированной территории, Киевский партизанский отряд в 100 человек. Однако в связи с начавшимися арестами подпольщиков отряд к б/деятельности не успел приступить. Часть партизан во главе с членом подпольного горкома партии Г. И. Куликом направилась в Черниговские леса, где продолжала вооруженную борьбу против немецко-фашистских оккупантов».

ПАКО КПУ, ф. 1, оп. 1—2, д. 1, л. 1—3.

«7 июня 1942 года был арестован секретарь основного горкома партии К. П. Ивнин...

...Из членов основного подпольного горкома партии избежали ареста только Г. И. Кулик, Ф. В. Зубко и П. Т. Громыко», (стр. 411).

Весной 1942 года тов. Кулик Г. И. вручил отцу документ, что он, Дьяченко Иван Лукич, является уполномоченным Киевского подпольного горкома,

(см. подтверждение Озерного И. И.).

О том, что отец был наделен такими полномочиями, видно и из сохранившегося директивного письма тов. Кулика Г. И. к отцу, датированного 25 июня 1942 года, в котором тов. Кулик дает указание отцу сдвинуть с места партизанские отряды Бобровицкого района Черниговской обл. и Згуровского района Полтавской обл.

Г. И. Кулик писал:

«ЛУКИЧИ

События развернулись не так, как хотелось, вследствие чего я не смог договориться с тобой еще по ряду вопросов, а именно: чтобы ты сдвинул с места отряды Бобровицкого и Згуровского районов. Необходимо, чтобы ты сделал это немедленно, особенно по Згуровке, поскольку убийство тов. БАЗАРОВА может морально отряд разладить.

Кроме этого, хочу поставить тебя в известность, что я написал тов. КОНОНЕНКО письмо с указанием..., но ему необходимо сейчас... он тебя с этим письмом познакомит, а ты, в свою очередь, заставь его скорее осуществить все это и помоги ему. Дело в том, что до меня дошли сведения о том, что он передерживает оружие, в котором до некоторой степени нуждается отряд тов. КНЯЗЕВА, а также передерживает людей, что особенно чревато опасностью сегодня. Кроме всего этого не способствует обеспечению отряда продуктами и медикаментами, он претендует на портфель. Я написал, чем это может для него кончиться. Я ожидаю выполнения решения день-два. Отряду же надо, согласно нашей договоренности, уходить. Неважно, кто его расстреляет за продолжение этой политики, и впредь — командование отряда или тогда, когда придут наши, а это, судя по сведениям, полученным мной из Киева..... как видишь, тебе здесь есть над чем поработать. Надо сделать все для того, чтобы отряд днями ушел.

Иван Лукич! По известным тебе причинам я не смог получить для Киева продуктов и веломашин. Ты понимаешь, что осуществить сейчас этого я не могу, а уходить мне пора. Коль сложились так обстоятельства, то надо, чтобы ты передал через подателя этого письма.....

С приветом Г. Кулик.

25.VI.1942 г.

Заханчивайте со снабжением отряда продовольствием и боепитанием.

Г. КУЛИК».

О связях отца с этими районами свидетельствуют и тов. Печенкин Н. А., Рябуха П. С., Федюк Н. М., Козырь П. Н. и другие, копии подтверждений которых прилагаю.

14. Организовывал сбор информации о дислокации, количестве и вооружении немецких войск.

(см. подтверждение Федюк Н. М., Рябуха П. С.).

15. Отец организовывал доставку оружия, продовольствия и др. для Киевской городской подпольной организации.

(см. письмо тов. Кулика Г. И.).

16. Был основным организатором в Новобасанских лесах партизанского отряда. (см. подтверждение Тюпы И. А., Рыбина И. Л., Бородавко Х. Л.).

Весной 1942 года партизанский отряд вышел в лес. Туда же, чуть позже, прибыли: бывший начальник Новобасанского райвоенкомата Н.-Басанского р-на полковник Князев С. А., ставший командиром отряда; работавший до войны по заданию ЦК КПУ секретарем райкома КПУ в Западной Украине и оставленный ЦК КПУ для подпольной работы в тылу. Майсак М. В., избранный в отряде секретарем партийной организации. Этим товарищам отец до выхода их в отряд скрывал в селах района.

(см. подтверждение Майсака М. В., Кияшко В. Г., Озерной И. И.).

Майсак Михаил Васильевич остался жив, воевал в соединении «За Родину», после войны был первым секретарем Новобасанского райкома КПУ (во время оккупации работал в этом районе подпольно совместно с отцом), ныне проживает в г. Черткове Тернопольской области по ул. Ленина, 30, кв. 26.

Копии подтверждений тов. Майсак М. М. от 22.4.1944 г. и два подтверждения за 1975 год прилагаю.

Политическое руководство отрядом (т. е. комиссаром) с июня 1942 года взял на себя член Киевского подпольного горкома КПУ тов. Кулик Геннадий Иванович.

Основную численность отряда составили бывшие военнослужащие, попавшие под Киевом в окружение. После побега, во время ареста его местной Писковской полицией, в отряд забрали и Кривца Александра Елисеевича, где командование отряда назначило его командиром отделения разведки.

(см. подтверждение Рыбина И. А., Ревецкого Д. П. и др.). В отряд вошли и видные партийные работники, такие как тов. Павленко — 2-й секретарь Барышевского райкома КПУ Киевской обл., тов. Коломиец — 2-й секретарь Новобасанского райкома КПУ и др.

17. Отец организовывал снабжение отряда не только оружием и боеприпасами, но и продовольствием и другими видами довольствия.

В селе Новая Басань на мельнице заготавливали муку, которую доставляли в хутор Красное.

В хуторе Красное была «партизанская пекарня» — около десяти дворов специально занимались выпечкой хлеба для отряда.

В организованных немцами на базе наших колхозов общественных хозяйствах выращивался скот для снабжения отряда мясом.

Специи и др. продукты отправлялись в отряд прямо из торговой базы с. Новая Басань, которой заведывал активный подпольщик и помощник отца во всех его делах Бородавко Харитон Леонтьевич (погиб на фронте в 1944 году. Копию его подтверждения, подписанного в 1944 году, см.).

Немецкие деньги, десятками тысяч, брали прямо с банка через инспектора райфинотдела (до войны учитель), активнейшего подпольщика Бондаря Андрея Ивановича. Банком заведывал подпольщик тов. Кононенко.

Оба они арестованы вместе с отцом и расстреляны.

(см. подтверждения Лопаты А. К., Рыбина И. А., Бондарь Л. Б., Тюпы И. А., Ерланской и др.).

18. В конце июня 1942 года руководство отряда принимает решение идти рейдом на восток.

Отец остался для дальнейшей организации борьбы.

От уходящего отряда отделилась небольшая группа партизан, в основном из местных жителей, в том числе и А. Е. Кривец, не согласившихся с решением руководства отряда об уходе. Часть из оставшихся влилась в отряд «За Родину», а часть осталась в Новобасанских лесах и к 1943 году переросла в отряд им. Щорса, который и возглавил А. Кривец.

Участники тех событий показывают, что отец встречался с представителями оставшейся в Новобасанских лесах группы партизан, поддерживал с ними связь, помогал оружием. (см. подтверждения Ревецкого Д. П., Лопата А. Е., Печенкина Н. А.).

Партизанский отряд т. Кулика-Князева прошел с боями рейдом по тылам около 200 км. В Корюковском районе был окружен во много раз превосходящими силами противника.

Отряд ушел из Новобасанских лесов вооруженным «до зубов» (по выражению партизана этого отряда Рыбина И. А.), но в жестоких боях боезапасы иссякли.

Партизаны сражались до последнего патрона.

В Киевском областном партийном архиве имелись сведения, что из окружения удалось вырваться десяти партизанам. Они же вынесли на руках раненого в грудь Кулика Г. И.

Дальнейшая их судьба неизвестна.

Я думаю, соответствующие органы, если бы занялись, смогли бы установить судьбу этих партизан и в особенности тов. Кулика Г. И., как секретаря Киевского подпольного горкома.

19. 17 августа 1942 года, благодаря постоянным доносам местных предателей, отец был обманным путем арестован. Он мог бы избежать этого ареста и перейти на нелегальное положение. О том, что над ним «сгущаются тучи», его предупредили подпольщики.

Н. А. Печенкин рассказывает, что когда незадолго до ареста отец заехал к нему. Николай Алексеевич предупредил о грозящей ему опасности. В ответ на это отец вынул из карманов галифе две гранаты-лимонки, потряс ими в воздухе и сказал, что если уже умирать, так с музыкой, что живым в руки он никогда не дастся».

Итак, он до конца исполнял свой долг, зная, что каждый день его работы на этом посту, это спасение жизни советских людей и новые накопленные силы для борьбы с врагом.

Свидетели рассказывают, что отца казнили путем изощренных зверских пыток. Когда его вели на расстрел, он пел: «Ты не вейся, черный ворон...».

После того, как он, скошенный пулями, упал, и стрельба прекратилась, он еще раз поднялся и выкрикнул:

— Нас много, всех не перестреляете.

После этого его добились выстрелами из пистолета в голову.

Во время пыток он никого не выдал, а наоборот, по возможности, выручал. (см. подтверждения Рябухи П. С., Печенкина Н. А и др.).

Воронежская областная газета «Молодой коммунар» №№ 107, 108 за 1971 год писала по этому поводу: «...расстреляны богатырь Иван Лукич Дьяченко и мудрый Федор Евсеевич Будник, а с ними и десятки скошенных без разбора людей.

Нет, Николаю не в чем себя упрекнуть за эту трагедию. И новобасанский староста, бесстрашный Дьяченко, умер с чистой душой, он сделал для партизан все возможное и невозможное. Ошиблись те, кто, получив от него оружие, ушел из здешних лесов, решив через сотни верст прорываться к фронту. Небольшой отряд окружили и уничтожили. А кто-то из захваченных партизан, не выдержав пыток, предал товарищей. И жизнь Николая висела на волоске: схватили и братьев Рябух, которых навещал Дьяченко. Они и возвратились в село со скорбным и гордым известием:

— Никого не выдал Лукич... Вечная память ему!

Он умер не зря: набирая силу, громят фашистов уже два партизанских отряда — «За Родину», имени Щорса.

Коварен, выходит, Бибрах, и хватка у него звериная: это он хитростью и арестовал Ивана Дьяченко. Знал, что такого бесстрашного человека так просто не взять: вооруженный, он стоил целого взвода. А Бибрах, назначив на сахарном заводе очередное совещание, переводчиков в то утро спровадил — якобы за ненадобностью. Дьяченко, приехав из Новой Басани и не найдя Николая на месте, разыскал дома:

— Чего затевается?

— Сказали: совещание.

И Дьяченко в последний раз пожал ему руку.

Бибрах объявил приглашенным, что им предстоит принять присягу, а гражданские лица по ритуалу делают это безоружными. Когда все собрались за одним столом, через окна и двери ворвались гестаповцы: они еще с ночи сидели в кустах.

Так схватили богатыря Дьяченко».

О написанных выше сведениях Вы можете прочитать в прилагаемых к этому письму подтверждающих документах. Об этих сведениях, если понадобится, смогут написать десятки и сотни людей района, знавших отца.

Я написал много для официального письма о деятельности отца во время войны, но это еще не все, что сделал он, что сделала существовавшая с первых дней оккупации района и трагически погибшая в августе месяце 1942 года Новобасанская подпольная организация, которую он возглавлял.

Обратите внимание на прилагаемые в конце письма подтверждения, за отца ручаются и ближайшие сподвижники А. Кривца: Н. А. Печенкин — разведчик-подпольщик, из семи облав на отряд Кривца (по заявлению А. Кривца) о шести предупре-

дил командование отряда; И. А. Рыбин — командир его прославленной 1-й роты, бесстрашный партизан, настоящий герой, имеющий за войну 9 правительственных наград; П. С. Рябуха — прославленный начальник автотранспорта отряда им. Щорса; И. Г. Карлухо — командир взвода отряда; Д. П. Ревецкий — партизан с самого начала оккупации, принимавший активное участие в организации партизанского и подпольного движения (см. Т. Л. Строкача «Наш позывной — свобода» стр. 56, 57), когда еще А. Кривец жил дома в Пискарах и ходил в «общину» на работы; партизаны Тюпа И. А., Лопата А. Е., Герасименко Н. Д. и др.

После гибели отца мать осталась одна с нами, тремя малыми детьми. Старшей было 7 лет, средней — 3 года и мне 6 месяцев. До освобождения района Советской Армией матери с нами приходилось скрываться. Несколько раз семья находилась на грани гибели, но все же мы остались живы.

Мать благодарила судьбу за то, что удалось выжить и об утверждении отца, как подпольщика, не хлопотала. Ей было не до этого: одна в колхозе с тремя детьми и ниоткуда никакой помощи. Не было времени писать, ездить, хлопотать. Надо было день и ночь работать, чтобы нас прокормить и поставить на ноги.

Она не могла в погоне за памятью о погибшем потерять нас троих, живых.

Мать нам всегда говорила, что наш отец был настоящим советским человеком, беззаветным патриотом, отдавшим себя в жертву ради жизни других, что просто честлюбивые нечестные лица затерли его заслуги перед народом, а она, одинокая женщина, не в состоянии что-либо сделать. В беззаветной преданности отца она никогда не сомневалась и эту уверенность привила нам. Эту уверенность усиливали своими рассказами и все честные люди, знающие отца. Они нам говорили, что наш отец настоящий герой, беззаветный патриот и мы им должны гордиться.

Мы выросли, все трое получили высшее образование, все добросовестно трудимся и вносим свою посильную лепту в общее дело. За это спасибо нашей матери, ставшей совершенно седой в 28 лет и отдавшей всю себя для нас.

И вы подумайте сами: если бы отца хоть немного в чем-либо можно было обвинить, если бы заявление и постоянно распространяемая ложь А. Кривца не были клеветой на 100%, то разве мать, с таким трудом вырастившая нас, разрешила бы нам писать это письмо в такие органы, у которых есть возможность в любом вопросе все выяснить до последнего штриха?!

Когда в селе Новая Басань был установлен обелиск в честь людей, отдавших жизнь во имя Победы, имя нашего отца на установленную там плиту не было занесено. Не занесены и имена всех других, погибших вместе с отцом. Мы до глубины души были обижены этим и обратились в сельский Совет с просьбой объяснить в чем же дело?

Нам ответили, что отца в списках участников патриотической борьбы нет, как и всех, кого казнили вместе с ним и кто остался жив из Новобасанского подполья, а против отца в органах КГБ стоит знак вопроса.

Мы с сестрой, Дьяченко Ниной Ивановной, проживающей в г. Киеве по ул. Семашко 12, кв. 108, решили выяснить, в чем дело, какие еще вопросы могут быть.

Сделали запросы в архивы Киевский, Черниговский областные и республиканский, но везде последовал ответ, что нигде в архивах ничего о патриотической деятельности Ивана Лукича Дьяченко нет и ничего нет о связи его с Киевским подпольем.

Тогда мы сами начали искать людей, работавших с отцом в подполье или знающих его по работе в период оккупации, для того, чтобы выяснить причины, в результате которых так несправедливо поступили с памятью о десятках людей, входивших в подпольную организацию и погибших вместе с отцом.

Людей, знающих о действиях Новобасанского подполья и моего отца в частности, к счастью, еще очень много.

Я в конце письма прилагаю только часть подтверждений и писем, которые они написали. Вчитайтесь, пожалуйста, в них внимательно. У многих вырывается вопль души: «Когда же восторжествует справедливость, где искать правду, почему так получилось?!»

Сестра Нина Ивановна Дьяченко, обратилась за помощью в Комиссию по делам бывших партизан при Президиуме Верховного Совета УССР. Оттуда 13.6.1975 года исх. № КП 3111 ответили, что поиски известий о связях Дьяченко И. Л. с деятельностью подпольно-партизанских организаций на Черниговщине не установлены, что неизвестно и о лицах, указанных в ее письме.

Удивительно, но в Комиссии ничего не известно о секретаре Киевского подпольного горкома тов. Кулике Г. И., не известно и о том, что был партизанский отряд на Черниговщине Кулика-Князева.

Секретарь Комиссии тов. Л. Нижник сестре в устном разговоре 13 июня заявил, что она плохо знает историю, что никакого такого отряда не было.

Да...

В январе месяце 1975 года я обратился в газету «Правда» с просьбой помочь восстановить честные имена погибших людей и к 30-летию Победы назвать их имена.

Из «Правды» исх. № 1647157 пришел ответ, что поднятый мной вопрос довольно сложный, поэтому письмо направлено в Черниговский обком КПУ.

Черниговский обком 17 апреля 1975 года исх. № 36/775 ответил, что «при тщательной проверке компетентными органами достоверных данных о принадлежности Дьяченко Ивана Лукича к патриотическому подполью не установлено».

Вызывает сомнение тщательность проверки компетентных органов и их заключение.

Посмотрите на список известных мне людей, с которыми отец работал в подполье.

1. Кулик Геннадий Иванович — секретрь Киевского подпольного горкома, до войны — сотрудник Киевского обкома партии — погиб.

2. Майсак Михаил Васильевич — 1-й секретарь райкома партии в Западной Украине, сразу после войны — 1-й секретарь Новобасанского райкома партии. Ныне проживает в г. Чертков Тернопольской обл. по ул. Ленина, 30, кв. 26.

3. Коломиец — 2-й секретарь Новобасанского райкома партии, погиб.

4. Павленко Иван Павлович — 2-й секретарь Барышевского райкома партии Киевской обл., погиб.

5. Князев Семен Андреевич — полковник, начальник Новобасанского райвоенкомата, погиб.

6. Тюпа Иван Алексеевич — заместитель председателя Новобасанского райисполкома. Живет в с. Петровка Бобровицкого района Черниговской области.

7. Товстенко Виталий Филиппович — заместитель председателя Згуровского райисполкома Полтавской (ныне Киевской области), погиб.

8. Кияшко Василий Григорьевич — проживает в с. Петровка Бобровицкого района Черниговской области.

9. Дьяченко Иван Лукич (мой отец) — председатель колхоза, погиб.

10. Бандура Ефим Иванович — председатель колхоза, погиб.

11. Зубец Александр Иванович — председатель колхоза, погиб.

12. Лопата Андрей Егорович — председатель колхоза. Живет в х. Красное Бобровицкого района Черниговской обл.

13. Коненко — директор Новобасанского госбанка, погиб.

14. Ганжа — директор Новобасанского МТС, погиб.

15. Бородавко Харитон Леонтьевич — заведующий Новобасанской районной базой СПО, погиб.

16. Ревцкий Дмитрий Павлович — председатель сельсовета, проживает в пос. Быков Бобровицкого района Черниговской обл.

17. Рипа Дмитрий — председатель сельсовета, погиб.

18. Матвиенко Николай — председатель сельсовета, погиб.

19. Лысенко Мария Федоровна — заведующая Новобасанской ткацко-вышивальной артелью «Червоный ткач». Живет в г. Киеве по ул. Белорусской, 5, кв. 13.

20. Нелин Алексей Никитович — учитель, проживает в г. Бобровица Черниговской обл.

21. Бондар Андрей Иванович — учитель, погиб.

22. Онищенко Оксана Юрьевна — учитель, погибла.

23. Базаров Александр Данилович — капитан, командир Красной Армии, погиб.

24. Плешкун Павел — лейтенант, командир Красной Армии, погиб.

25. Чемерский Григорий Гаврилович — лейтенант, командир Красной Армии, погиб.

26. Глушак Антон Антонович — лейтенант, командир Красной Армии, погиб.

27. Корневский Иван Игнатьевич — лейтенант, командир Красной Армии, погиб.

28. Федюк Николай Максимович — ст. лейтенант, командир Красной Армии, проживает в г. Бобровица Черниговской обл. по ул. Зеленой, 41.

29. Печенкин Николай Алексеевич — мл. лейтенант, военный переводчик, проживает в г. Коломна, Московской обл. по ул. Ленина, 80, кв. 43.

30. Рябуха Петр Сергеевич — водитель Бобровицкого райкома партии, проживает в г. Бобровица Черниговской обл.
31. Озерной Иван Иванович — водитель Новобасанского райземотдела, проживает в с. Новая Басань Черниговской обл.
32. Будник Федор Евсеевич — партийный работник, погиб.
3. Мокрогуз — юрист, погиб.
34. Конопляник Григорий Терентьевич — юрист, проживает в г. Житомир по ул. Горького, 54, кв. 7.
35. Бегезов Николай Дорофеевич — лесник, старый коммунист, партизан гражданской войны, погиб.
36. Майсак Иван Васильевич — комсомольский работник, погиб.
37. Буряк Кирилл Борисович — комсомольский работник, погиб.
38. Плешкун Иван — активный комсомолец, погиб.
39. Яценко Павел Емельянович — активный коммунист, погиб.
40. Кириченко Павел — заведывал мельницей, погиб.
41. Ерланская Марина Александровна — активная подпольщица, проживает в г. Киев.
42. Кучерявец София — активная комсомолка, погибла.
43. Николко Юлия Сергеевна — активная комсомолка, проживает в г. Джесказган.
44. Путята Николай — активный подпольщик, погиб.
45. Гончар Николай Денисович — активный подпольщик, погиб.

Это лишь известная мне часть широко разветвленной подпольной организации. Как видите из этого неполного списка, многие подпольщики погибли.

Разве эти люди шли на смерть, руководствуясь не патриотическими чувствами?! Разве их деятельность от начала и до конца не носила патриотического характера?! Разве Киевский подпольный горком, под руководством которого действовала организация, не был источником патриотизма?! Разве секретарь Киевского подпольного горкома тов. Кулик Г. И., числится в списках националистов?!

Эти и еще множество вопросов можно задать «компетентным органам», давшим заключение, что отец не был связан с патриотическим подпольем.

Я не компетентен делать заключения в столь сложном вопросе, но, с Вашего разрешения, выскажу свои соображения, сделанные из анализа всего этого непристойного для советской действительности дела.

Из бесед с честными советскими людьми, когда-то пытавшимися добиться правды в этом вопросе, но в конце концов, считай, потерявших веру в ее объективную неизбежность, я понял, что существует неписанный подлый союз против отца. С одной стороны — люди, беспокоившиеся о спасении своей шкуры (извините за грубость, но здесь иначе не скажешь), а с другой — человек (его можно назвать человеком) алчно жаждущий беспредельной неделимой славы, ради достижения которой считающий, что все средства хороши.

ШИНКАРЕНКО Федор Федорович.

Перед войной работал 1-м секретарем Новобасанского райкома партии, был оставлен в тылу, как 1-й секретарь Новобасанского подпольного райкома. Ныне проживает в с. Малая Девица Прилукского района Черниговской области.

После ухода Т. А. Строкача из Новобасанского района Шинкаренко бесследно исчез и не появлялся в с. Новая Басань до прихода наших войск. (см. письмо Ревницкого Д. Л.). Как выяснилось после войны, он скрывался (переживал войну) в Гребинковском районе Киевской области.

Доверие партии не оправдал. Пришли наши — надо отчитываться, почему скрылся из Новой Басани и не выполнил задание партии.

И он пишет объяснение, что он сбежал с этих краев потому, что понял, что Иван Лукич Дьяченко работает на немцев. А «понял», мол, это следующим образом (об этом Ф. Шинкаренко рассказал сам моей сестре Нине Ивановне в апреле этого года):

«Когда в начале ноября мы с Коломийцем и Буряком были в с. Дедово Новобасанского района на квартире у Евлаша Дмитрия Петровича, туда ворвались немцы и полиция. Во главе их был Ваш отец. Он еще ранил хозяина квартиры т. Евлаша. Я увидел, что Дьяченко работает на немцев и вынужден был скрыться».

Позвольте сразу же спросить Шинкаренко, а почему же тогда, если в самом деле это был и Иван Лукич — предатель, товарищи Коломиец и Буряк сотрудничали с отцом и погибли вместе с отцом?!

А подтвердили «пасквиль» Шинкаренко (по его же словам сестре) Вышар О. А. и Краснуха Г. В. Они на отца, конечно, в обиде. Отец Вышару дал пощечину, когда они с Краснухой Г. В. приносили в комендатуру сдавать партийные билеты. Эти лица, с сомнительной репутацией по первому периоду войны, так и не восстановлены в партии.

А «компетентные органы» поверили им, хотя здесь и без тщательной проверки легко установить, что это ложь.

Мы это с сестрой и сделали.

Поехали в с. Дедово к Евлашу Д. П. Он жив и дает показания, что случай такой был в самом деле и что ранили его, но налет возглавлял не Дьяченко Иван Лукич, а начальник полиции с. Новая Басань по фамилии Дьяченко, но Николай Сидорович. Евлаш отца не видел и не слышал.

А Шинкаренко Ф. Ф. восстановлен в партии (!!) и даже имеет партизанский билет, выданный партизанской комиссией при Прилукском райисполкоме, который свидетельствует, что он подпольщик с 13 сентября 1941 года по сентябрь 1943 года (село Новая Басань, в районе которой Ф. Шинкаренко был до начала ноября, немцы оккупировали 15 сентября, а какое отношение Шинкаренко имеет к Прилукам, и вообще не понятно).

Так что, как видите из его документа, Ф. Шинкаренко ушел в подполье еще при советской власти, когда еще и немцев не было в Новой Басани, и, по-видимому, остается в подполье по сей день.

Надеюсь, что Черниговский обком партии попросит Прилукский райком разобраться и вывести Ф. Шинкаренко из подполья «на чистую воду».

КРИВЕЦ Александр Елисеевич

Бывший командир партизанского отряда им. Щорса, Герой Советского Союза, ныне управляющий Киевским сахарным трестом, проживает в г. Киеве по ул. К. Либкнехта 36/7, кв. 17.

Был летчиком. Попав в окружение, А. Е. Кривец вернулся домой и ходил на работы в созданное немцами общественное хозяйство и на лесоразработки, организованные Новобасанским подпольем с целью проведения организационно-пропагандистской работы среди жителей. На лесоразработках работало много бывших военнослужащих, попавших в окружение, и отец часто приезжал и организовывал с ними беседы.

Весной 1942 года большинство из них вошло в партизанский отряд тов. Кулика-Князева. Туда же, как я уже выше писал, вошел и А. Кривец, впоследствии назначенный командиром отделения разведки.

Ввиду того, что партизанский отряд тов. Кулика-Князева и Новобасанская подпольная организация трагически погибли, Кривец А. Е., как оставшийся в живых командир, позже действовавшего в этом районе партизанского отряда им. Щорса, все лавры первенства по организации патриотического движения в Новобасанском и Бобровицком районах взял на себя. О своем пребывании в партизанском отряде тов. Кулика-Князева, который был детищем Новобасанской подпольной организации, А. Кривец вообще умалчивает.

Когда в Харькове в 1944 году командиры партизанских отрядов отчитывались за свои действия и было сказано, что было Новобасанское подполье, которое возглавлял И. Л. Дьяченко, то А. Кривец заявил, что на территории, на которой он действовал, до него никакого подполья не было.

Доцент кафедры истории УССР Киевского государственного университета, проживающий в г. Киеве по ул. Ломоносова, 59, кв. 67, рассказывал моей сестре, что даже Сабуров возмутился такому заявлению и сказал примерно следующее: «Позвольте, тов. Кривец, когда я проходил через те края, то я встречался с Иваном Лукичем Дьяченко. Он нам оказал помощь вооружением и продовольствием, так что там все-таки было подполье, он же не сам это делал».

Посмотрим, что писал Т. А. Строчак в своей книге «Наш позывной — свобода», издания 1964 года на стр. 72 (перевод Н. И. Д.): «После неудачного похода на восток объединялись в отряд имени Щорса патриоты Новобасанского района. Среди бойцов этого отряда был и председатель Рокитянского сельсовета Дмитрий Ревецкий, который так много сделал для группы чекистов из Наркомата, когда мы были в их районе. Командиром этого отряда стал Александр Кривец...».

Значит, все-таки был поход на восток, хотя и неудачный. Значит, еще до Кривца действовали патриоты Новобасанского района. Был отряд, значит, и были

люди, его создавшие, была подпольная организация, детищем которой и был этот отряд и честные имена которых приходится сейчас отстаивать.

Я думаю, что за 30 лет «компетентным органам» пора бы уж разобраться во всем и отдать должное памяти погибших людей. Ведь живут где-то по Союзу родные этих воинов, погибших в отряде, и считают, что муж, отец, сын или брат пропал без вести. А они мужественно сражались и погибли в неравном бою под Софиевкой Корюковского района. Нетрудно установить и имена погибших, надо бы этим только заняться. Да никто этим не желает заниматься.

А Кривец А. Е. этим пользуется и везде утверждает (в Бобровицкий район даже письменно заявил), что на территории Новобасанского и Бобровицкого районов до него никакого патриотического движения не было.

Прямо странно. Исходя из заявления Кривца, можно подумать, что на территории этих районов жили совсем и не советские люди.

История войны показывает, что на оккупированной фашистами территории, можно сказать, без исключения в каждом городе, селе, поселке, было подполье или хотя бы группы людей, сплоченных общей целью, — хоть чем-то да помочь в разгроме врага.

А здесь Кривец, плетя сам себе лавровый венок первоначинателя, вычеркивает из карты партизанской борьбы 1941—1942 годов целых два района. Его средства в достижении своей цели носят отпечаток фашизма. Может, я склонен к максимализму, но согласитесь, что гуманизма в его средствах абсолютно нет.

В своей клевете А. Кривец заходит далеко. По его словам, он и в г. Нежине сразу после войны на каком-то процессе тоже показал (как бы сговорившись с Шинкаренко Ф. Ф.), что Иван Лукич Дьяченко националист и предатель.

«Компетентные органы» по-видимому, исходя из этой подлой клеветы А. Кривца, принимая ее за абсолютную истину, и сделали окончательный вывод о личности отца. Таким образом, против его фамилии вот уж сколько лет «стоит знак вопроса».

Итак Ф. Шинкаренко и А. Кривец своего добились. Облив грязью моего отца, они зачеркнули всю Новобасанскую организацию, партизанский отряд, зачеркнули славные страницы истории работы Киевского подпольного горкома и ее секретаря — Кулика Г. И. Оба всем этом соблюдается какое-то непонятное молчание. Кажется, какая-то сила, даже намного могущественнее А. Кривца, не позволяет раскрывать на всеобщее обозрение эти страницы истории борьбы двух районов Черниговской области, граничащих с Киевской областью (до Чернигова 120—150 км, а до Киева порядка 80 км).

В этом году А. Кривец идет в своей клевете еще дальше. В своем письме в Ваш адрес он выдвигает обвинение, что отец уничтожил его семью и семьи других партизан, чем сам себе противоречит.

В своей книге «Багряными дорогами», вышедшей в издательстве политической литературы Украины в 1973 году и им же названной документальной, на стр. 126—127 он пишет, что семьи были арестованы и вывезены в г. Нежин карательным отрядом войск СС.

А. Кривец заявляет, что Дьяченко И. Л. и его арестовывал, а в то же время в своей книге на стр. 50 пишет, что его выдал проживающий в с. Писки Федор Лиходид, а арестовывала его местная писковская полиция.

Кощунственное обвинение отца в трагедии села Новая Басань, когда карателями было расстреляно 364 человека, выходит за всякие рамки.

Отца арестовали 15 августа 1942 года, а Новобасанская трагедия произошла в конце декабря 1942 года, когда отца давно уже не было в живых.

Это преступление и за него клеветника нужно наказывать, не взирая на его старые заслуги и ныне занимаемый пост.

А вот позвольте спросить А. Кривца, где он был в то время, когда произошла в с. Новая Басань такая трагедия? Он же в своей книге пишет, что его отряд в это время уже действовал. Почему же он не спас обреченные на гибель сотни людей?!!

Карательный отряд был малочисленным. Арестованных расстреляли лишь на третий день после ареста. От места расстрела недалеко лес, где до морозов прятался А. Кривец. Почему же он не бросился на выручку?

Об этом он в своей книге умалчивает.

Используя свой высокий пост управляющего Киевским сахарным трестом, потрясая партийным билетом и подавляя своим священным для советских людей зва-

нием Героя, А. Кривец навязывает свои измышления не только частным лицам, но и некоторым сотрудникам руководящих органов.

Поразительно!! Некоторые из них, сами ничего не зная, не проверив фактов, принимают всю ужасную клевету Кривца за прописную истину и говорят его злым языком!

Где же нам искать правду?!

Священным именем всех погибших в борьбе с фашизмом, я умоляю Вас, прекратите навсегда грязную клевету, возводимую на честных советских людей!!!

Кто дает право в Советском Союзе клеветникам и честолюбцам чернить память о честных советских людях, бросивших свою жизнь в костер войны во имя Победы?!

Это были первоначальники, они начали действовать с самого начала войны. Они боролись и свято верили в победу еще в то трудное время, когда победа и не просматривалась.

Кто позволяет ради славы одного лица чернить целые главы героического прошлого двух районов и Киевского подполья?!

Убедительно прошу Вас назначить комиссию, которая бы объективно во всем разобралась, дошла до каждого человека этой истории, живого и мертвого, и все поставила на свои места.

Ведь за фамилией отца стоят судьбы сотен людей: десятки замученных вместе с ним в застенках гестапо и жандармерии, около сотни погибших в партизанском отряде, политическое руководство которым возглавлял член Киевского горкома тов. Г. И. Кулик, десятки оставшихся в живых подпольщиков, ждущих, когда же восторжествует правда, и сотни членов семей погибших в этой трагической истории, желающих знать правду или вообще ничего не знающих, где погибли их родные.

Об этом А. Кривец не подумал, распространяя клевету на отца тогда, в свои 23 года, и не думает теперь, имея в кармане парт. билет и за плечами зрелый возраст.

Прошу извинить за прямоту и резкость тона. Считаю, в разговоре коммунистов и не должно быть дипломатических уверток.

С большим уважением к Вам и надеждой на Вашу помощь.

Николай Иванович Дьяченко.

г. Львов-55, ул. Новоселов, 4, кв. 43.

Приложение: 42 копии-подтверждения на 59 листах. Подлинные документы будут представлены в случае необходимости.

25.6.1975 г.

ДЬЯЧЕНКО.

ПІДТВЕРДЖУВАЛЬНІ СВДЧЕННЯ, ПОЯСНЕННЯ, СПОГАДИ

№ 1

Я, Федюк Николай Максимович, год рождения 1915. До Великой Отечественной войны окончил Киевское артиллерийское училище им. С. М. Кирова в 1938 г. и два курса артакадемии им. Дзержинского, г. Москва.

В марте месяце 1941 г. я был направлен артакадемией в 10-ю армию Особого Белорусского военного округа для дальнейшего прохождения службы в в/ч 8460 10 артполк. Наша в/ч находилась: Белостокская область, ст. Валилы, пос. Михалово. Командующий 10-й армией был генерал-майор Голубев, командиром 10 артполка был подполковник Зайцев. Я был н-ком штаба 6 дивизиона ПВО. В районе м. Вороницы, Зап. Белоруссия, в июле месяце 1941 г. был ранен — контужен в затылочную часть головы, на что имеется документ. После ранения мне пришлось пробиваться пешком в тяжелом состоянии с документами к своим воинским частям к гор. Киеву, который в то время не был занят немецкими войсками.

Киевским военным Округом командовал генерал-полковник Кирпонос.

Согласно приказу ставки Верховного Главнокомандующего Вооруженных сил СССР 19—22 сентября 1941 г. город Киев был сдан немецким войскам.

После сдачи г. Киева мы совместно с воинскими частями отступали на восток: Борисполь, Барышевка, Березань, Прилуки, Лехнивка, Полтава, Харьков и т. д. Отступление проходило через г. Новая Басань. Я находился в тяжелом состоянии здоровья, в результате чего был оставлен войсками в г. Новой Басани. Через месяц времени я немного поправился, после этого начал искать связи с подпольщиками. Мне удалось в конце октября и в начале ноября 1941 г. связаться с т.т. Мокрогуз,

Конопляник Г. Т., Лебеда Ф. А., Плешкун, Кореневский и с другими товарищами. В конце ноября и в начале декабря месяцев 1941 г. меня арестовала Новобасанская полиция.

Дьяченко И. Л. меня выручил, т. е. спас мне жизнь, т. к. меня могли бы казнить, т. е. повесить. Он меня спросил: «Командир ли ты?». Я долгое время не говорил, а потом — что будет, то и будет — решил сказать: «Да, я красный командир». Он тогда сказал, что такие люди нужны, и вовлек меня в подпольную работу.

Дьяченко Иван Лукич в это время был председателем райуправы, он по указанию высшего начальства пробрался в немецкую власть и на все посты ставил своих доверенных людей. По его заданию под видом отправки неисправного оружия в г. Бобровицу, которое находилось в Новобасанской комендатуре, мы выносили ночью, а когда не было коменданта, и днем, по соседству, за церковью прикапывали у гр-ки Ярланской, которая жила на территории церкви. У нее была явочная квартира. Часто под видом посещения церкви даже со свечкой мы заходили к гр-ке Ярланской и проводили закрытые совещания. Сюда являлся Дьяченко Иван Лукич. Вопрос стоял о доставке оружия, хлеба, медикаментов, о к-ве немецких войск, самолетов, танков и т. д. на территории области и района, а также положение в г. Киеве, Нежине, Чернигове. Мокрогуз и Конопляник П. по указанию организации ходили несколько раз в Киев под видом меняльщиков продуктов и держали связь с киевскими подпольщиками. Меня посылали в г. Бобровицу, Нежин, Чернигов о к-ве войск и эшелонов, которые проходили через ст. Бобровицу. Дьяченко И. Л. мне сфабриковал документ на немецком языке, что я являюсь представителем дорожного отдела. Я писал и распространял листовки, поднимал дух устно (среди незнакомых людей, там, где больше). Говорил, чтобы не поддавались немцам, наши войска, т. е. Советская Армия скоро придет.

Дьяченко И. Л. помогал партизанам не падать духом и поддерживал всех нас. Часто он пел песню «Ты не вейся черный ворон».

Он выручал военных, которые попали в окружение. Их могли расстрелять фашисты, но Дьяченко И. Л. размещал их по селам поближе к лесам и утверждал, что они украинцы. Держал их для организации партизанского отряда.

По указанию Дьяченко И. Л. мы, подозрительные для фашистов, в основном коммунисты и комсомольцы, разрушали и восстанавливали несколько раз, а потом снова разрушали плотину под лесом у р. Забловщина. Дьяченко И. Л. и других активистов схватило под видом совещания в Бобровице и арестовало немецкое гестапо.

Выдал их бывший офицер царской армии Евтушенко Кузьма Егорович (недавно помер в Англии). Евтушенко К. Е. еще во время коллективизации уехал из Новой Басани в неизвестном направлении. Потом, когда началась война, приехал с немцами. Долго скрывался, организовал группу националистов. Всех подпольщиков, которых схватили с Дьяченко И. Л., казнило немецкое гестапо. Они были первыми подпольщиками на территории Новобасанского района и имели связь с другими районами Черниговской и Киевской области.

Меня удивляет и возмущает, почему до сих пор не поднят вопрос об этой первой подпольной организации, которая начала действовать с самого начала войны, и которую после ее трагической гибели так бесславно затерли.

В чем и подписываюсь:

подпись

26 апреля 1975 года
г. Бобровица на Черниговщине.

№ 2

Я, ЄРЛАНСЬКА Марина Олександрівна, 1903 р. народження. Відповідаю на Ваш лист. Про Н.-Басанських підпільників я знала багато. Те, що пам'ятаю і тепер, напишу Вам.

До війни я жила в центрі Н-Басані. Моя хата була якраз біля церкви. Від дороги паркан був один для церкви і для моєї хати, в між церквою і моїм городом загорожі не було і, здавалося, що хата стоїть на території церкви.

Коли почалась війна, мій чоловік був призваний на фронт. ДЯЧЕНКО І. Л. до війни був добре знайомий з моїм чоловіком. Коли Лукич став працювати в райуправі, сказав мені, що треба допомагати, щоб скоріше прийшли наші. Для цього я повинна працювати в райуправі уборщицею, а свою хату здавати, як явочну квартиру для наших людей. Приказав, щоб це було великим секретом. Лукича до війни я знала як хорошу людину, активіста, тому рішилась йому допомогти. В мене була весь час явочна квартира аж до того часу, коли арештували ДЯЧЕНКА І. Л. і багато підпільників.

Приходили в мою хату зв'язкові із Києва, Київської і Полтавської областей. Багатьох я не знаю прізвищ, були зовсім незнайомі. Про те, що вони свої, я визнавала по паролях. Ви просите написати про тих, кого я знала. Найбільше знала ДЯЧЕНКА.

І. Л. Часто бував у мене в хаті. Він всіх наших виручав, снабжав продуктами, зброєю. Я часто була в райуправі в його кабінеті. Спеціально працювала в нього прибиральницею. Він мені дуже довіряв. Бувало, іду в райуправу, в його кабінет в старій порваній одежі. Під рукою несучи тазик, тряпку чи мішок, що висить неакуратно. Ходила в робочий час до нього. Скрізь німці, поліцаї, а я іду. В своєму кабінеті він мені давав якісь пакети, пропуски і ін. для зв'язкових і партизан. По вказівці Лукича я розклеювала листівки в центрі села. Щоб не було на мене підозри, він часто на мене кричав в кабінеті. Було віддасть, що треба, я заховаю, а він розчинить двері і кричить на мене, що прийшла прибирати не тоді, як треба, вижене мене та ще з криком по коридору проведе. Або кричить, що погано прибираю. Тягну я тазик і тряпку додому, де чекають мене зв'язкові чи підпільники.

Пам'ятаю, до мене прийшла жінка з Києва. Розплела коси і витягла якісь записки скручені. Сказала, щоб я сечно занесла їх в райуправу Лукичу. Я зразу віднесла. Лукич їй теж передав записки. Приходила якась жінка з хлопчиком. Теж з Києва. Тоді якась жінка прийшла і сказала, що принесла намісто продавати чи міняти на продукти. Цей пароль я знала раніше і догадалась, що вона по якійсь справі до Лукича. Жінка сказала, щоб я сечно попередила Лукича, що треба 2 нагани для двох «матросів». Я взяла тазик, тряпку і пішла в райуправу. В кабінеті сказала про це Лукичу. Він швидко завернув 2 нагани в мою тряпку, сказав, щоб я сечно занесла їх на квартиру до Марії Прохорівни БАНДУРИ. З криком через весь коридор він вигнав мене з кабінету: «Прийшла коли убирати! Прийдеш через 2 часа!». Я швидко прийшла додому. Підв'язала ці нагани під платтячка своїй дочці Ніні (8 років було їй) і племінниці Сивоголовко Ніні. Взяла порожню корзину, серп і пішла з дітьми в указане місце. Коли дійшли до хати Бандури М. П., дівчатка забігли в двір, в них забрали там нагани.

Часто приходилось мені під видом прибирання кабінету зустрічатись з Лукичем, забирати в нього чи нести йому якісь пакети, бумажки. Я ніколи їх не читала. Пам'ятаю, я дуже боялась, що в мене явочна квартира. Через дорогу від моєї хати в приміщенні школи був старостат і німецький лазарет. Німці, поліцаї там весь час ходили. Краснуха Грицько там крутився. ДЯЧЕНКО І. Л. мене заспокоював. Говорив: «Он на Хрещатику в Києві на 2 поверсі жандарми, поліцаї, а внизу листівки печатають. Люди ризкують і не бояться. Скоро прийдуть наші, тоді заживемо». Говорив мені, що як прийдуть наші, то над моєю хатою зразу червоний прапор повісимо, а в хаті музей зробимо. Я спитала, де ж я буду жити, якщо віддаси мою хату для музею. Відповів, що на 5-му поверсі. Предсказав, і правда, я живу на 5-му поверсі в Києві. Здоров'я тільки нема і жалко тих людей, що загинули. І чоловік мій на фронті загинув. Пам'ятаю, з Києва прийшли 2 «матроси» на зв'язок з Лукичем. Їх знову треба було переправити в Київ. Лукич послав мене в аптеку, щоб я взяла бинти, йод і костилі для них. В аптеці теж була своя людина. Не пам'ятаю її прізвища. У мене в саду поперетягували «матросам» бинтами ноги так, що аж посиніли. Направили їх в Київ як ранених. Голова колгоспу ЗУБЕЦЬ Олександр давав підводу і людину. Забула, хто їх віз, але, помню, говорили, що «матросів» благополучно доставили в Київ.

Пам'ятаю, вночі прийшов до мене Лукич і сказав, що завтра годин в 10 ранку привезуть до мене підводу озброєння. Я перелякалась і говорю, що старостат же через дорогу, опасно. Лукич відповів мені так: «Поки я живий, нікого і нічого не бійся. У тебе саме безопасне місце. Не везти ж мені через усе село в ліс озброєння. Вдень тобі привезуть, а вночі заберуть люди». Я згодилась. Лукич пішов, а прийшов зразу ФЕДЮК Микола з двома незнайомими мужчинами. Викопали в саду в огороді яму, натягли гарбузиння, замаскували, пішли. Вдень в 10 годин ранку під'їхав з підводою (гарбою) нагуженого Литаш. Цей Литаш з Пісок чи Красного. Кульгав на одну ногу. Гарбу завіз у двір, а сам швидко пішов. Зверху і по боках у гарби були вітки сосни, а всередині сіно і повно гвинтівок, наганів. Ще й автомат невеликий забинтований матерією. Ми із Сивоголовко Софією Омелянівною все це осторожно розгрузили в яму, накрили гарбузинням. Сивоголовко С., моя родичка. Хата її була (і зараз є) в кінці мого огорода. Ходили ми від хати до хати по стежці через огорода. Вона багато теж допомагала у підпіллі. Ходила і по медикаменти в аптеку.

Все те з ями вночі забирали в ліс мужчини для отряду КНЯЗЕВА. На другий день приходила Параска Рябоприс з мішком. Ніби за гарбузинням прийшла, а поставила в мішок гвинтівку, наклала тоді гарбузиння. Вона дояркою робила у к-пі «Сталіна» до війни. Якщо вона ще жива, розпитайте у неї, хто її прислав і для кого вона брала винтовку. У церкві, що була рядом з моєю хатою, працював батюшка якийсь. Теж допомагав підпільникам. Церкву він відкривав зранку і не закривав до пізнього вечора. Сам ходив по двору. В церкві інколи співала півча. Сивоголовко С. ходила ніби в півчу, а до неї підходили підпільники, передавали бумажки. Вона приносила їх мені, а я відносила Лукичу.

Багато в моїй хаті бувало людей. Напишу про тих, кого пам'ятаю.

МОКРОГУЗ Іван (наче Якович). До війни працював у Н-Басані юристом. Знаю його як хорошу людину. Звідки він сам, точно не знаю. Хтось мені ще тоді сказав,

що він із-за Чернігова, що в нього мати сліпа, він розказував, переживав за неї. Про роботу Мокрогуза І. знаю мало, хоч і часто бував у мене. Був серйозний, не розказував нічого. Був часто з якимисьь мужчинами. Щось говорили тихо, писали. Пішов він з отрядом Князева, загинув.

БОРОДАВКО Харитон був завбазою. Лукич посилав часто мене до нього, і я получала в базі махорку, консерви, сахар, сірники і ін. Нагрузить, було, мені в мішок вдень і я піду додому. Вночі приходили забирати це все в ліс.

ФЕДЮК Микола бував часто у мене, їздив по завданнях. Копав яму для зброї. Був дуже сміливий. Федюк живий, розпитайте в нього самі.

Пам'ятаю **КОЧЕРЖИНСЬКОГО**. Забула, як звать його. Шофером був. Не знаю, чи живий він. Сміливий був. Знаю, був приказ німців направити на Бобровицю свиней. Видавав свиней Зубець Олександр. Нагрузили їх на декілька машин. Лукич Кочержинському сказав, що на його машину будуть нагужені найкращі свині, і він повинен їхати позаду в ліс. За селом він повинен повернути в ліс із шляху, що на Бобровицю. Повинен завезти свиней в ліс партизанам. Кочержинський так і зробив. Пам'ятаю, говорили, що накоптили там окороків стільки, що всіх не побрав отряд Князева.

ЗУБЕЦЬ Олександр дуже багато допомагав. В кузні його колгоспу робили ключі ті, що рельси портить. Був такий приказ, щоб у кожного партизана був ключ такий.

БУРЯК Кирило Борисович. Мав великий зв'язок з **ДЯЧЕНКОМ І. Л.** Сміливий був.

МАЙСАК Іван Васильович — молодий хлопець. Лукич посилав мене, я ходила до нього додому, носила якісь бумажки. Був молодий, але обросший, замучений.

КОНОПЛЯНИК Григорій ходив на завдання скрізь далеко. Лукич давав йому якісь бумажки, а він носив кудись в інші райони, області. Пам'ятаю, як він прийшов із далекого завдання, але запізнився, отряд Князева вже пішов, Конопляник дуже переживав, що запізнився. Плакав у мене в хаті, як мала дитина. Він, мабуть, живий. Розшукайте і розпитайте, він повинен багато знати за підпілля.

Бував у мене **БОНДАР** із Бикова сам, а робив тоді у Н-Басані десь.

Пам'ятаю **КНЯЗЕВА** — воєнкома. Був у мене в хаті. Знаю, як Князев, Конопляник (суддя) і Мокрогуз (слідователь) говорили, що треба убрати Краснуху Грицька, бо дуже мішає. Староста к-пу «Сталіна» був неграмотний, то Краснуха там сидів, і все допомагав. Говорили в моїй хаті, що як прийдуть наші, то на крючку зразу Краснуху повісять. Тоді знову говорили, що Дяченко І. Л. посилав хлопців, щоб убрали без шуму його тихо, але чомусь не получилось.

ПОТЕНКО Іван живе і тепер в Н-Басані. Знаю, як справляв в моїй хаті рацію для лісу. Спитайте в нього. Рацію він приніс від Лукича. Хай розкаже правду.

Я дуже боялась **Дениса КУЛАКА**. Був поліцаєм. Страшно підозрював мою квартиру. Заявляв німцям, що до Ярланської ходить багато мужчин. Переводчиця була своя і сказала про це Лукичу. Кулака убрали.

Коли отряд Князева виходив з лісів, зібралось у мене в хаті вночі багато начальства, партизан. Радились про все. Світла не світили. Совещаніє проводили, лежачи на полу. Говорив Князев, Дяченко, Мокрогуз і ще мужчини, поночі я не впізнала по голосу. Я була весь час в хаті. Домовлялись вони, що сміливим треба бути. Не здаватись живими, не видавати нікого. Хтось сказав, що якщо хто попадеться німцям, горло собі бритвою перерізати, щоб не видати нікого. Пам'ятаю, говорили, що на ці останні збори не з'явився Кривець. Один мужчина сказав, що Кривець пішов у Бобровицю. Всі були в ужасі. Князев сказав: «Ой, хлопці, хотя б Кривець нам не наробив горя, якщо пішов у Бобровицю! Чого!?!». Мокрогуз сказав, що треба виходити, оружжє завезено, не можна чекати ні хвилини нікого. Дяченко І. Л. сказав, що в народі є прислів'я «семеро одного не ждуть», а нас така сила і приказ — виходити. Князев сказав, що ми всі йдемо з охотою, а Кривець не хоче, то хай остане-тьсЯ, тільки щоб лиха нам не наробив.

Всі ці роки після війни я нікому про це не говорила, боялась. Про це знаю тільки я. Мене совість мучає, що я помру, а правду ж ніхто не знатиме. Я хочу, щоб довели цю справу до кінця. Хочу, щоб Ви поговорили з Кривцем строго. Хай признається. Він же спеціально не пішов з отрядом. Чого він пішов у Бобровицю тоді?

Тоді в хаті, як збирались в останній раз, партизани Князева говорили, що як вернуться назад, то розправлятьсЯ з Кривцем, а Краснуху теж повісять зразу, бо теж повинен був йти з отрядом, а зник десь, не з'явився.

Ото хай Краснуха і Кривець розкажуть правду. Мене всі роки мучить совість, що нікому розказать. Хай розкажуть, скільки богатирів наших загинуло. По чий вині?

Тільки прошу, Кривцю і Краснусі не говорити, що я розказала.

Я, Потапенко Николай Александрович, знаю Дьяченко Ивана Лукича с 1932 г., в период его учебы в Майновском зоотехникуме Бобровицкого района Черниговской обл.

С 1932 по 1934 год он совместно с Галычиным А. М. проживал у нас на квартире в с. Щастновка.

Знаю, что он был активным комсомольцем, пользовался большим авторитетом у своих товарищей-студентов и преподавателей.

В 1941 году после окружения в районе Могилева я остался на временно оккупированной территории и в сентябре месяце добрался до с. Щастновки.

Первый раз я встретился с Иваном Лукичем ранней весной 1942 г. На этой встрече присутствовали Будник Ф. Е., Матвиенко Н. (бывш. председатель сельсовета), Лесенко С. С.

Перед нами была поставлена задача готовить надежных людей для выхода в лес на пополнение партизанского отряда. По-видимому, в целях конспирации никаких подробностей о составе отряда, его вооружении и дислокации не было названо. Связь с Иваном Лукичем должен был поддерживать Будник Ф. Е.

После того, как отряд попал в засаду и перестал существовать, и после ареста Будника и Матвиенко, я начал выполнять отдельные поручения Печенкина Н. А.

Второй раз я встретился с Иваном Лукичем в его кабинете в Райуправе. У меня были надежные документы, изготовленные в Бобровице Свиридом Михаилом, что давало мне возможность беспрепятственного передвижения по району.

Я попросил И. Л. выделить мне из Щастновской общины верховую лошадь и выдать кавалерийское седло.

Седло по указанию И. Л. мне выдали из Новобасанской полиции, вскоре я его передал партизану отряда им. Щорса Андрею Рубахе, с которым очень часто встречался.

Подтверждаю, что Иван Лукич Дьяченко был истинным патриотом нашей Родины.

Это он подтвердил и своей героической смертью в застенках гестапо, не выдав своих товарищей по подполью.

Подпись тов. Потапенко Николая Александровича
заверяю:

ст. инспектор по кадрам

30.04.75 г.

№ 4

Я, ЄВЛАШ Дмитро Петрович, 1900 року народження. Коли почалась війна, я працював в с. Рокитне Новобасанського району. В листопаді 1941 року до мене в хату зайшли троє залишених по броні перед війною: Коломієць, Шинкаренко, Буряк. Голопапенко був у другій хаті. Поліція якось дізналась, що там Голопапенко. Поліція схопила Голопапенка и приказала, щоб він повів до мене. Вони до мене добивались, я не відкривав. Потім відкрив двері. Начальник поліції Дяченко Микола Сидорович кинув гранату. Коли розірвалась граната, я був ранений в груди. До цього часу в грудях у мене два осколки, перевірявся я на рентгені.

Коли граната розірвалась тоді, і почалась стрільба, Шинкаренко, Коломієць і Буряк повтікали. Поліція повтікала. З них нікого не вбило, не ранило. Вони поїхали до сільського старости. Я залишився на вулиці. Потім окровавлений вліз в хату, жінка мене забинтувала. В цей день жінка з трьома дітьми зійшла з дому, а я залишився. Лежав на печі. На другий приїхала знову поліція, німці. Побили вікна. Я не міг довго злізти з печі, бо був у тяжкому стані, а двері були на замку. Я ледве відкрив. Зайшли вони, зробили обиск. Допрос робили 2 німці й переводчик. Питали, де сім'я, чи не зв'язаний з партизанами. На третій день знову приїхали троє: начальник поліції Дяченко Микола, Кулак Денис, Нікулін. Начальник поліції робив допрос, Кулак писав акт. Знову питали мене, чи не зв'язаний я з партизанами. Я сказав, що не маю зв'язків. Прийшла якраз моя жінка, вони послали її за горілкою. Випили і поїхали. Після цього затихло. Більше до мене ніхто не приїжджав, ні поліція, ні ті, що заходили як партизани: Шинкаренко, Коломієць, Буряк. В 1942 році, коли спалили села, я пішов в ліс.

Після війни до мене приїжджав Шинкаренко, просив, щоб я дав справку про те, що він був у партизанах, але я не написав.

Про них після того випадку, як мене ранило, я нічого не чув і не зустрічав до закінчення війни. Про Дяченка Миколу, начальника поліції, я чув погані справи.

Про Дяченка Івана Лукича я не чув нічого поганого. Бачити — теж не бачив.

В чому і підписуюсь.

31/III-75 р.

Я, ЗАБОЛОТНИЙ Григорій Трохимович, 1902 р. народження, житель села Старий Биків Бобровицького району Чернігівської області. Коли почалась війна, я був оставлений по броні.

В 1942 році в хаті своєї сестри Андруші Анастасії Трохимівни (нині проживає в с. Ст. Биків) познайомився я близько з Дяченком Іваном Лукичем. До війни я його не знав. В час війни знав, що працює головою райуправи. Він спитав мене, ким я працював до війни. Я сказав, що механізатором МТС був. Він спитав, чого я зараз не працюю. Відповів йому, що не хочу. Він строго сказав, що знов будем робить. Але я категорично відмовлявся. Він тоді сказав, що я повинен прийняти комору, працюватиму комірником і виконуватиму хлібопоставку.

Відмовитись було неможливо, і я згодився.

Потім начав брать у мене зерно без оформлення документів і я супротивився. Я сказав: «А що я буду німцям здавать?». Дяченко І. Л. відповів: «Хоч грам німцям даси, я тебе застрелю». Я сказав йому, що боюсь поліцаїв і старости. Він сказав, щоб я не боявся, а якщо поліцаї чи хтось буде грозитись, то їх убере. Пам'ятаю, зерно поступило сире. Дяченко підказав мені, щоб я роздав по хатах сушить. Так було і зроблено. Зерно залишилось, німці зерна не получили ні грама.

Дуже я увірився в Дяченка І. Л., що він свій, і коли приїжджав у Биків і дожидав десант у моєї сестри. Я якраз зайшов до сестри. Лукич там був. В хату зайшли діти і крикнули, що спускаються парашутисти. Він на них накричав, щоб вони про це нікому не говорили, вскочив в машину і поїхав на поле на бувший аеродром (тимчасовий), забрав їх.

Коли Дяченко І. Л. арештували, в мене зерна не було і я боявся, що мене повісять. Мене виручив Музика Дмитро (загинув), який робив вісовщиком, був зв'язаний з Дяченком. Він виписав мені документи, що я виконав хлібопоставку, хоча я хліба німцям не дав ні грама.

№ 6

К о п і я.

Я, громадянка с. Нова Басань Бобровицького р-ну Чернігівської області Бандура Марія Прохорівна, описую спогад за події з мого життя в період окупації с. Нової Басані німецькими окупантами (1941—1943 рр.). В той період я зі своїм бувшим чоловіком Конопляником Г. Т. та малим сином жила в хаті свого батька Бандури Прохора Симоновича. З початку 1942 року Конопляник Г. Т. часто вечорами відлучався з дому і приходив пізно. Я цікавилась, де він буває. Перше він говорив різні причини, а пізніше розповів, що в Новій Басані створена підпільна партійна група, яка вже встановила зв'язок з головою райуправи Дяченком Іваном Лукичем. З метою встановлення зв'язку з київськими підпільниками Конопляник Г. Т. ходив до м. Києва, пропуск йому видавали з райуправи. Одного разу Конопляник сказав мені, що для зв'язку з головою райуправи Дяченком І. Л. прибув представник ЦК комуністичної партії України, а потім прибуде до нас для встановлення зв'язку з підпільниками сусідніх районів. 22 червня 1942 року до нас прийшов незнайомий чоловік, Конопляник Г. Т. відвів його в сарай і сказав, що це представник з сусіднього Баришівського району Павленко. Десь о 5-й годині дня до нашого двору приїхала підвода, на якій приїхав підпільник з с. Козацького (був Басанського р-ну) та представник ЦК партії Кулик Г. І. До хати позвали Павленка, при знайомстві прибулі назвали себе Кулик Г. І. та Плешкун Павло.

При їх розмові я не була, через деякий час Конопляник мене позвав і наказав дати обідати «гостям». Я зайшла до хати, а батько був у дворі, і в цей час прибули німець і поліцай. Конопляник та Павленко встигли втекти через двері, а Кулик та Плешкун залягли на підлозі, бо почалась стрілянина. Поліцай кричав, щоб вони виходили з хати, я порадила їм вибити вікно з тієї сторони хати, де не чути стрілянини і тікати. Вони втекли, а я сиділа за комином на печі і чути було стрілянину. Через деякий час стріляти перестали, а мені наказали виходити з хати. Коли я вийшла, то побачила в дворі багато поліцаїв, німців та вбитого батька. Один з німців ударив мене по голові, але хтось наказав не бити, а вести на допит в комендатуру. Коли мене повів поліцейський, то до двору прибув Дяченко І. Лукич, був зроблений скрізь обшук, грабувати він заборонив і наказав начальнику поліції іти робити мені допит. До комендатури прибув поліцай Буряк К. Н. і зробив мені допит, написав короткого акта, в якому я нічого не зізналась, говорила, що не знаю, хто і чого прибули до Конопляника Г. Т. На вечір привели мене до райуправи і поручили охороняти черговому поліцаю. Коли стемніло, до райуправи прибув Дяченко І. Л. І наказав мені зайти до його кабінету. Він мені сказав, що батька уже поховали на кладовищі, біля канави в заростях, всі втекли, поліцаям нікого спіймати не удалось, а вийшла велика неприємність для нас і для його, як керівника.

Про мене Дяченко І. Л. сказав: «Пока я жив, то зроблю усе, щоб урятувати твоє життя. Коли і я провалюсь, то будуть разом нас допитувати жандарми». Нака-

зав мені ночувати в кабінеті, нікуди не тікати, бо буде гірше. Я ніч просиділа в кабінеті з тривогою, а що буде завтра? На ранок мене вивели в коридор і посадили біля чергового поліцає і наказали пильно охороняти. Так я сиділа до півдня, всі поліцаї і робітники райуправи були зайняті своїми справами і до мене ніхто не звертався. Та ось повідомили поліцаїв, що в село прибув невідомий чоловік і питає нашу хату. Всі поліцаї кинулись доганяти партизана, він біг навколо села, а до лісу не попав і його було вбито. Вбитого на підводі привезли до райуправи, мені наказав керівник поліції Дяченко М. С. вийти його пізнавати. Коли я вийшла, то побачила вбитого чоловіка 33—35 р., якого я, звичайно, не знала. Мене знову увели до коридору, в кабінеті Дяченко І. Л. дуже кричав на поліцає Лиску Павла Т., який убив незнайомого, що треба було взяти живим, бо він не відстрілювався. Поліцейські між собою говорили, що я все брешу, а коли добре за мене взятися, то все признаюсь. І тепер прибули жандарми (2 чолов., я бачила) з Ніжина, бо в Басані ще не було встановлено жандармерії. Всі поліцейські і Дяченко І. Л. пішли з райуправи, на мене жандармам не показали, бо в коридорі ще були жінки, які у справах приходили до райуправи. Я сиділа до кінця робочого дня з однією думкою, що тепер зі мною буде? Надвечір прибув керівник поліції Дяченко М. С. і наказав іти додому, що жандармам сказали: всі з нашої хати втекли, старика вбито, а залишилась стара глуха баба, яка нікого не може знати. Переслідувати мене не будуть, а я повинна себе вести так, щоб знову не попала до рук поліцаїв. Я майже спокійно жила, поки в лісі був партизанський загін, куди втік Конопляник і працював Дяченко І. Л. Але коли в серпні 1942 року був заарештований Дяченко І. Л., мені стало гірше, часто чіплялись поліцаї, приходили «шукати» партизанів, вимагали горілки. Коли в районі появлялись карателі, то я переховувалась, дома не ночувала, син жив з моєю матір'ю та сестрою. Літом 1943 року працювала в громадському господарстві, на полі було спокійніше, бо вже діяв в районі загін ім. Щорса, німці на полі не появлялись. Так я дожила до світлих днів, коли наше село визволила Радянська Армія і працювала учителем історії і географії, а в 1971 році пішла на пенсію.

5.V.-1975 р.

підпис

1975 року травня місяця 5 дня Виконавчий комітет Новобасанської сільської Ради депутатів трудящих Бобровицького району Чернігівської області свідчить справжність власноручного підпису на цьому документі громадянки БАНДУРИ Марії Прохорівни.

Особа та дієздатність БАНДУРИ М. П. перевірені.

Одержано державної поштини 40 коп.

Цей запис зареєстровано в книзі для запису нотаріальних дій під № 64.

Секретар виконкому сільської Ради

РУДЕНКО

№ 7

Я, Рєвицкий Дмитрий Павлович, 1919 года рождения, настоящим подтверждаю, что Дьяченко Ивана Лукича я знаю с 1941 года начала войны, как подпольного работника.

Я перед О/войной жил и работал председателем Ракитнянского сельсовета, когда началась война по решению Черниговского Обкома партии был оставлен для подпольной работы в Ново-Басанском районе, были оставлены и другие товарищи: Дьяченко Иван Лукич, Шинкаренко Федор Федорович, Коломиец и другие.

В 1941 году в конце сентября я со своим отцом — Рєвицким Павлом Прокофьевичем охраняли и содержали членов правительства, которые выходили из окружения при взятии немцами г. Киева. Это были т. Строкач Т. А. и другие.

Мой отец познакомил Ивана Лукича со Строкачем, а я в это время был в охране Строкача, когда приехал к нам Лукич.

Дьяченко Иван Лукич по решению Комитета был направлен для подпольной работы к немцам. Работал председателем Райуправы. Вошел в доверие к немцам.

Был организован партизанский отряд Князева, но при неудачном переходе на соединение с Армией погиб. После этого был организован партизанский отряд им. Щорса, я был в этом отряде. Когда ушел отряд Князева, Дьяченко Иван Лукич держал с нами связь и лично встречался в лесу со мной, Кривец, Головка, Евенко, Герасименко и ряд других. Дьяченко Иван Лукич держал с нами связь, хотя обстановка после схватки отряда Князева была очень напряженной.

Он доставлял нам оружие, информировал об обстановке.

Дьяченко Иван Лукич, являясь подпольным работником, направлял коммунистов, комсомольцев и беспартийных на подпольную работу и в партизанский отряд.

Систему работы полиции и комендатуры перестраивал на советский строй, так как ему немцы доверяли.

Описать все подпольные действия Дьяченко Ивана Лукича невозможно, так как их было очень много и очень сложные и многообразные.

Бывший партизан партизанского отряда им. Щорса — Ревецкий Дмитрий Павлович.

Написанное выше подтверждаю.

Д. Ревецкий

26 марта 1975 г.

Подпись Ревецкого Д. П. заверяет

Н. Быковский п/совет

Председатель п/п

26/III-75 г.

№ 8

Я, Тюпа Иван Алексеевич, до войны работал в Новой Басане заместителем председателя Райисполкома. В начале войны я был оставлен для истребительного батальона. Иван Лукич Дьяченко тоже был оставлен с нами. Ивана Лукича я знал еще до войны. Он работал председателем колхоза. Мы вместе с Дьяченко в июне 1941 года и еще другими товарищами готовили продукты и боеприпасы для будущих партизан. Все это мы закапывали в лесу «Дубрава».

Когда немцы заняли территорию наших сел, мы продолжали подготовку к борьбе против фашистов.

Иван Лукич Дьяченко постарался пробраться поближе к высшему начальству — председателя райуправы. По указанию высшего начальства нашего (от Киевского подпольного комитета) он организовывал вместе с Князевым (бывшим военкомом) партизанский отряд, именованный Князева. Организовывались Лукичем подпольные группы из числа тех, которые раскулачивали и восстанавливали советскую власть, еще в период коллективизации и позже.

Я вместе с Лукичем и Князевым организовывали совещания для ускорения борьбы против фашистов. Ко мне в с. Петровку, отдаленное от района, Озерной Иван Иванович приводит Лукича. Я организовывал им встречу у Кияшко Василия Григорьевича. Я был свидетелем того, как Князев давал указания Лукичу всех военнопленных регистрировать украинцами, договоры о доставке продуктов, боеприпасов.

Я вместе с Лукичем и другими товарищами проводили очень много сложных операций. Было назначено совещание полицейских явиться с оружием для проведения занятий на Лысой горе. Так было подстроено там, что полицейши во время обеда поставят оружие в козлы, а из леса выйдут партизаны и заберут оружие. На высшие посты были подобраны старосты сел и председатели громхозяйств из числа тех, кто был против фашистов. Была организована лесоразработка из числа коммунистов для совещания — организации подпольной работы. Бегезов Николай (лесник) помогал Лукичу в этом деле. Лукич ездил по селам и там, где надо, заменял старост и полицейских своими доверенными людьми, которые старались помочь в борьбе подпольной. Очень много сложной, опасной работы выполнили Лукич и те, кто помогал ему в подпольной работе. Всего нельзя перечислить.

Иван Лукич Дьяченко был смелым борцом против фашистов, подпольщиком.

В чем и подписываюсь.

25.III.1975 г.

Власноручну підпис Тюпи Івана Олексійовича сільська Рада свідчить.

Голова с/Ради

Секретар

№ 9

Я, Рыбин Иван Александрович, 1919 года рождения, бывший командир 1-ой роты отряда им. Щорса, проживающий в с. Бирки Бобровицкого района Черниговской обл., сообщаю о бывшем районном старосте с. Н.-Басань Дьяченко Иване Лукиче следующее:

В сентябре 1941 года во время окружения советских войск в р-не Баршова Барышевского р-на Киевской обл. я был контужен, не мог перейти линию фронта и вынужденно оказался на временно оккупированной территории. Я нашел пристанище в хуторе Бирки Н.-Басанского р-на, кроме меня, в хуторе Бирки было еще 28 раненых советских солдат. Всем нам грозила смерть, но нас от гибели спас староста райуправы Н.-Басани Дьяченко Иван Лукич.

По его указанию староста х. Бирки Бандура Евхим Иванович организовал подпольный лазарет, нас лечили, снабжали продовольствием. Весной 1942 г. мы по

команде Дьяченко И. Л. ушли в лес, где создали партизанский отряд, который возглавил Князев. Дьяченко И. Л. я лично видел, когда он приезжал в отряд. Он сообщил, что в лесу имеется база оружия, которая готовилась для истребительного батальона. Оружие с базы на Лысой горе я забирал лично. По указанию И. Л. Дьяченко в хутор Красное доставлялось еще оружие из Н.-Басани, за которым я ходил лично с группой партизан. На этом хуторе была и «партизанская пекарня». Муку доставляли из Н.-Басани и х. Бирки.

В отряде Князева было 103 человека, в основном русские военнослужащие, а из жителей с. Писки — Сидоренко И. К., Евенко Павло, Кривец А. Е., Головка И. А., Бойко Андрей. Я был командир отделения, Головка Иван — политруком, Кривец А. Е. — командиром разведки.

Когда отряд Князева ушел в Черниговские леса и был в пути разбит, И. Л. Дьяченко предупредил через старосту х. Красное Лопата Михаил Калейникович своих подпольщиков, но он не мог предупредить всех, в результате чего были арестованы Бандура Евхим Иванович — староста Бирок, поставленный на эту должность Дьяченко И. Л., Путята Николай и другие.

А Дьяченко И. Л. на следующий день был доставлен в город Бобровица, где был арестован, затем казнен гестапо.

Я как командир 1-ой роты отряда им. Щорса, награжденный девятью правительственными наградами, благодарен И. Л. Дьяченко за спасение военнослужащих, за помощь в борьбе с фашизмом,

в чем и расписываюсь

24.4.75 г.

Власноручную подпись гр. Рыбина Ивана Александровича исполком Рокитненского сельСовета депутатов трудящихся удостоверяет.

Предисполкома
сельсовета
Секретарь исполкома
сельсовета

Самсон

Полякова

№ 10

К о п і я

Я, Лопата Андрій Ягорович, 1897 року народження, жив і живу зараз в с. Красне бувшого Новобасанського району Чернігівської обл. Кандидат в членн партії з 1940 р. До війни працював я директором комбінату, а ще з перших років колективізації працював головою колгоспу, був активістом.

Дяченка Івана Лукича знав задовго до війни як активіста району.

Коли почалась війна, так, як і Дяченко І. Л., я був залишений у винищувальному батальйоні. Коли нашу територію зайняли фашисти, всі активісти (Дяченко І. Л. і ми) почали готувати базу для боротьби з фашистами. Цю роботу ми почали ще з осені 1941 року. Із Нової Басані від Дяченка І. Л. Ситенко Сакій привозив регулярно до мене і інших товаришів зброю. Дяченко сам із Нової Басані часто приїжджав і доставляв до нас зброю, боеприпаси, займався організацією людей для боротьби.

Весною 1942 року почав діяти партизанський загін, який очолював бувший начальник военкомату Н.-Басанського р-ну т. Князев.

Ми забезпечували загін не тільки зброєю, а і продуктами. Хліб пекла моя жінка Лопата Мотря Василівна і ряд інших жінок. Мою жінку і четверо дітей пізніше фашисти стратили. Муку доставляли із Нової Басані через Дяченка І. Л., який працював в той час головою райуправи.

Ще восени 1941 р. мене заарештували, привели в Н. Басань і хотіли здати в гестапо. Але Дяченко І. Л. мене звільнив з-під арешту, а доносчика, який часто доносив на людей, в тому числі і на мене, по вказівці Дяченка І. Л. було розстріляно. Після того, як Дяченко І. Л. мене виручив, я всеодно продовжував боротьбу підпільну, мав постійний зв'язок з Іваном Лукичем.

Після того, як загін Князева пішов з наших лісів, я продовжував працювати на партизанів, мав тісний зв'язок із Дяченком І. Л.

В серпні 1942 р. Дяченка І. Л. арештувало німецьке гестапо і стратили за організацію підпільної і партизанської боротьби.

Дяченко І. Л. був сміливим, відданим патріотом, хорошим товаришем.

В чому і підписуюсь:

(Лопата)

Мій партизанський білет № 99 виданий партизанською комісією при Бобровицькому райісполкомі Чернігівської області.

24.IV.75 р.

Власноручную подпись гр. Лопаты Андрея Егоровича Рокитненский сельский Совет депутатов трудящихся удостоверяет.

Пред. исполкома
сельСовета
Секретарь исполкома
сельСовета

(Самсон)

(Полякова)

Я, Печенкин Николай Алексеевич, 1921 года рождения, русский, член КПСС с 1950 года, бывший партизан-разведчик партизанского соединения «За Родину» и партизанского отряда имени Щорса, действовавших на Черниговщине, в настоящее время проживающий в г. Коломна, Московской области, ул. Ленина, дом 80, кв. 43, подтверждаю следующее:

Окончив в июле 1941 г. курсы военных переводчиков при разведотделе КОВО, я после побега из немецкого плена прибыл в ноябре месяце в с. Щастовку Новобасанского района Черниговской области, откуда по согласованию с коммунистом Будником Федором Евсеевичем внедрился на работу переводчиком в м. Бобровицу Черниговской области под фамилией Ремов Николай Васильевич, чтобы там проводить работу против врага, к которой нас готовили на курсах разведотдела.

В январе месяце 1942 года я встретился в доме шофера коменданта Бибраха Рябухи Петра Сергеевича, который после ухода в отряд имени Щорса был там начальником автотранспорта, с районным старостой с. Новая Басань Черниговской области Дьяченко Иваном Лукичем.

К этой встрече я был подготовлен Рябухой П. С. и его братом — Рябухой Николаем Сергеевичем, коммунистом, проживавшем на нелегальном положении, впоследствии — политруком 3-й роты отряда им. Щорса.

Как я понял, при встрече Дьяченко был уведомлен о моей работе и поэтому рассказал, что в Новобасанском районе имеется хорошо законспирированная подпольная организация, что в райцентре и в селах ключевые руководящие посты занимают преданные советской власти люди, что в селах района имеется много военнослужащих, попавших в окружение. Раненые получают медицинскую помощь. Подпольщики собирают оружие и боеприпасы, готовятся к активным действиям против фашистов. Естественно, что в силу тех условий, Дьяченко И. Л. не называл людей по именам.

Мне вместе с шофером Рябухой П. С. часто приходилось ездить в Новую Басань, откуда мы каждый раз привозили оружие и боеприпасы, получаемые от Дьяченко И. Л. и Чемерского Григория. Это оружие переправлялось из дома Рябухи П. С. в партизанские отряды «За Родину» и имени Щорса.

К аресту Дьяченко был причастен и взятый в плен бывший командир партизанского отряда Князев, о чем я писал о своей работе в подполье в 1945 году. Дьяченко погиб как патриот, он не выдал арестованных по его делу П. С. Рябуху и Михаила Булытина, к которым он заезжал во время приезда в Бобровицу. Зная много о моей работе, т. к. с апреля месяца у нас была установлена тесная связь с Новобасанским подпольем, он не выдал и меня. И то, что я сейчас жив, я обязан во многом И. Л. Дьяченко, как и многие десятки людей, спасенные им от гибели или от угона в немецков рабство.

4 апреля 1975 г.
г. Коломна

Печенкин

Инвалид Отечественной войны II группы, партизанский билет № 27, выданный комиссией при Бобровицком райисполкоме Черниговской области 25 марта 1968 г.

Все, что написано тов. Печенкиным Н. А. о Дьяченко Иване Лукиче, я Рябуха Николай Сергеевич, член КПСС с 1931 года, бывший в период немецкой оккупации одним из руководителей Бобровицкого подполья, подтверждаю. Мне лично было известно также о встречах Дьяченко И. Л. в период оккупации с уполномоченным ЦК Украины Куликом Геннадием Ивановичем.

Бывший политрук партизанского отряда им. Щорса ветеран Великой Отечественной войны

(Н. С. Рябуха)

26.XI.1976 г.

№ 12

Из письма Н. А. Печенкина от 9.01.1976 г. С. В. Гуськову:

«О гибели Дьяченко...». В камере Нежинской тюрьмы находилось несколько групп из разных районов: Бобровицкого, Яготинского, Ичнянского и других. Все арестованные держались по районам, но в один день в камеру посадили человека лет 35, который не принадлежал ни к какой группе. Держался он развязно, говорил, что его не первый раз сажают за спекуляцию и один раз даже расстреливали. Рассказ о расстреле выглядел так:

«В сентябре группу арестованных, в том числе и меня, вывели из тюрьмы и повели на базу № 63 (кажется, такой номер базы был в Нежине, но надо уточнить). Приказали вырыть могилу. Мы вырыли. Среди нас было двое в военной форме, один высокий плечистый, второй более молодой, тоже в русской форме. Оба были

избиты до неузнаваемости. Это были Дьяченко, которого долго держали в камере смертников [камера № 5 внизу], второй был Чемерский. Нас выстроили у выкопанной ямы. Раздался залп, я сразу упал в яму, на меня свалилось еще несколько человек. Но раненый Дьяченко поднялся во весь рост и прохрипел: «Нет, сволочи, не возьмете...». Раздался залп по нему одному. Он упал, истекая кровью, но вновь начал подниматься. Тогда офицер подошел к нему и разрядил в него всю обойму своего пистолета. Дьяченко затих, фашисты не закопали яму. Я выбрался после их ухода, у меня была царапина на плече. Я добрался до знакомых, подлечился там, домой не возвращался больше месяца. Когда вернулся, надо было чем-то жить и я пошел на базар менять вещи, где меня и застукали. Я назвал совсем другую фамилию, но меня опять бросили в тюрьму...».

Все слышали этот рассказ, в том числе и Манзюк, и Данькевич, и Шевколит. Мы считали, что нам посадили провокатора. Никто не высказался, что знает Дьяченко, хотя все из бобровичан и знали его. Интересно запросить Манзюка — помнит ли он этот случай; одновременно узнать номер базы зерновой, кажется, в Нежине.

№ 13

ДО БЮРО БОБРОВИЦЬКОГО РАЙКОМУ КПУ

Я, Конішевський Андрій Ілліч, мешканець м. Бобровиці Бобровицького району, Чернігівської області, бувший член керівної п'ятірки Марківської підпільної партійної групи в час тимчасової німецької окупації Чернігівської області (1941—1943 рр.), пізніше партизан партизанського з'єднання «За Батьківщину», даю свої пояснення локійного гр-на Нової Басані Дяченка Івана Лукича, такого змісту:

Особисто я з Дяченко Іваном Лукичем зустрічався усього один раз у 1937 році у його брата Дяченко Максима Лукича, який тоді працював завідувачим Бобровицького району, а я директором Бобровицької школи.

В період з листопада 1941 року по день його арешту органами німецької окупаційної влади — серпень 1942 рік, я знав зі слів братів Рябухи Миколи Сергійовича та Рябухи Петра Сергійовича, мешканців м. Бобровиці, що Дяченко Іван Лукич, будучи головою райуправління в Ново-Басанському районі, веде шкідну роботу проти німецьких окупантів, тримаючи зв'язок з радянсько-партійним активом, робить все можливе для дезорганізації виконання продовольчих поставок для німецької армії та посилки людей на роботу до Німеччини.

Я особисто такої думки, що тов. Дяченко Іван Лукич був заарештований органами окупаційної влади, як людина, що діяла не на користь німців, а на користь радянської держави, інших мотивів, на мою думку, не може бути. Чому залишився тов. Дяченко І. Л. в тіні і які для цього є підстави, мені не відомо.

Бувший член керівної п'ятірки Марковецької підпільної партійної групи

А. Конішевський

м. Бобровиця
вус РСГА № 131
Партизанський квиток № 299

Факти, зазначені в документі,
нотаріусом не перевірялись.

м. Бобровиця

№ 14

Я, Романенко Павло Самсонович, 1901 р. народження. До революції батракував. Після революції був активістом по встановленню нової влади. Був головою комнезаму в Ічнянському районі, головою групи сприяння РСІ з 1930 р. по 1934 р., головою сільрад, приймав участь у боротьбі з бандами. За Вітчизняну війну маю партизанський білет.

В Н-Басанський район я приїхав в 1939 р. Працював в к-ті 1-е Травня в кузні.

Коли почалась війна, мене залишили в істребительному батальйоні, то я став знати Івана Лукича Дяченка. Тоді як Федоров (це був і секр. обкому партії) приїхав у Н. Б. і сказав, що хто числиться в істребительному батальйоні, мобілізації не підлягає, ці будуть оставлені для підпільної роботи, для партизан.

І таким чином став знати Івана Лукича Дяченка. Я із свого боку за Лукичем під час окупації, крім хорошого, поганого нічого не бачив. Ми з ним сиділи разом в лісі, коли вступали німці. Коли німці були вже в Басані, Лукич відкрив магазин, набрав для хлопців з істребительного батальйону матерії для портянок, а решту розібрали люди (він сказав людям), щоб німцям не дісталось. Сам з усім взятим приїхав на коні в ліс Заблещину. Він сказав, що на пошті встиг забрати і радіо, але воно не справне. Ми сиділи в лісі троє суток: я, Дяченко І. Л., Сльозко Наум, Яценко Павло, а решта хлопців — із сіл. Всього нас було 15 чоловік. У цей час повернувся в Н-Басань Зубчик. Він проводив свою звірячу роботу. Але сидіти в лісі нам далі не можна було. Готовилась на ліс облава. Ми вийшли з лісу не всі разом.

Вирішено було, що Дяченко І. Л. піде на роботу до німців на своє старе місце роботи — в колгосп. Через деякий час, як ми вийшли із лісу, Лукич пішов «служить» до німців. Він служив на користь наших. Ми з хлопцями були в цій організації. Виконували складну і опасну роботу. Кононенко ходить на совещання до Лукича, приносить нам відомості від нього. Через Кононенка ми мали зв'язок з Лукичем.

Ященко Павло (загинув у загоні Князева) стає сборщиком податків. Скоро зникає безслідно, а про нього виходить чутка, що він ніби, стерво, напився і, переходячи через болото, втопився. Він в цей час із Князевим — на катериновських участках. Жінка Ященко, так як він ніби втопився, отримує на трьох дітей пайки. У квітні до мене зайшов Ященко. Вони із Князевим переходили тоді у ліси Балабаново. Коли ще переходили воєнні, Лукич приказав приписати їх у лісі. А у квітні від нього був приказ іти в ліс, бо вже дерева розвиваються. Хто не піде в ліс, буде вивезений в Германію.

Мій син Микола їздив на зв'язок з Києвом. Із Дарниці привозив газети, які я читав людям і визнавав, як вони реагують на брехню німців, яка була написана в газетах. Надійних людей я втягував у роботу і давав винтовки. Коли треба було перевезти зброю, було вирішено мені їхати до Бегезова (лісника) і сказати, що я приїхав за ялинкою. Відкопали 70 штук винтовок, прикопали на полі. Видавали військовим.

Іван Лукич передав Поліно Данилу, щоб він із свого к-пу вислав кур'єра. Кур'єром став мій син Микола. Син став мати хороший зв'язок із Іваном Лукичем для зв'язку з підпільниками.

Ми, хто працював підпільно, працювали так, щоб менше хто знав про нас. Забезпечення партизанського загону Князева йшло через Лукича. Іван Лукич передав в наш колгосп, щоб відправили 1,5 т зерна на мельницю. Муку зуміли тихо перемолоти на хліб і відправити партизанам. Колгоспникам, близьких до лісу сіл, Лукич приказує пасти скот, близько коло лісу. Приказав, щоб пастухи мовчали, коли хлопці з партизанського загону будуть брать. Попереджував всіх, щоб тихо було, щоб не було чути бандитизму. Коли було проходить на ліс облава, то Лукич говорить, що тут партизан нема, я перший іду по лісу. І йде попереду.

Складної роботи проводилось дуже багато. Мали зв'язок із Києвом, із підпольним комітетом Києва. Говорилось, що в області об'єднуються, повстануть проти німців, перекриють доступ всього необхідного для німців, а з Москви допоможуть нам. Князев і ще хтось (не знаю) настоював на перехід. Був представник із Києва, із підпольного комітету. Перед виходом в отряді було 150 чоловік. Кулеметів станкових — 12 штук. Озброєння було сильне. Отряд вийшов...

Вернулись із отряду Головка, Кривець, Яценко Микола і ще хлопці. Лукич сказав, що будемо організовувати другий отряд.

За час роботи Лукича в райуправі комсомольців і комуністів не розстрілювали.

Івана Лукича обдурили, ніби взяли на нараду, але арештувало гестапо. Мій син їздив у Бобровицю в той день, як забрали Лукича. Йому сказали, що коли Лукича виводили в «чорний ворон», то його можна було взнати по одежі і росту. Лукич нікого не видав.

Жалко, що загинула така людина.

30 липня 1970 р.

№ 15

— У 1941 р. мого чоловіка послали в Нову Басань завідуючим юридичною консультацією. І червня 1941 р. я теж приїхала з дітьми в Нову Басань. Почалась війна. Чоловік по другій мобілізації пішов в армію, а я осталась з десятирічною дочкою. Остались серед незнайомих людей. Старша дочка від університету (один курс закінчила) була на підготовці окопів. Тоді прийшла теж у Нову Басань. Ми боялись виходити куди-небудь. До мене заходила сусідка Терешко Галя (передова в колгоспі була), розказувала про все, що відбувається з приходом німців. Говорила, що був мітинг, зібрали багато людей. Виступав німець-комендант, перекладач і Дяченко Іван Лукич. Іван Лукич виступав перед людьми, говорив, що наші визволителі прийшли. Щастя-долю принесли. Після того, як назвав визволителями, повернувся до людей і каже: «От оце ви стоїте і думаєте, що от, сукин-син, нас в колгосп тоді заганяв, агітував, а зараз агітує по-другому. Але так треба. Кому якась допомога треба, звертайтеся до мене, до нас». По тому «так треба» можна було догадатись.

У Германію відправляли тих, хто був проти Радянської влади до війни. Пам'ятаю, приїжджали загони німців по боротьбі з партизанами. Іван Лукич порозпихував партизан по людях і в інші місця, а сам автомат на груди і йде попереду в лісі, «перевіряє», шукає партизанів.

Мою дочку Катерину Сергіївну Лукич забрав в підпільну організацію на роботу.

Всі люди знають, що він робив на користь людей, загинув за людей. Так він і остався в пам'яті людей.

У Ніжині жила моя двоюрідна сестра партизанка ще з громадянської війни. У цю війну теж працювала в Ніжині в підпіллі, переправляла людей в отряд. Людина сильної натури. Розказувала після звільнення. У час війни була в Ніжині, людей багато було на базарі. Біля базару якраз тюрма. З тюрми (бачили всі) вели арештованого на допрос високого, в обірваній одежі, казали, що то Дяченко з Нової Басані. Ішов він і співав:

**«Черный ворон, что ты вьешься
надо мной! Ты добычи не добьешься,
черный ворон, я не твой»...**

Ще від людей я чула, що бачили цю страшну картину.

Я не знаю, хто це може сказати щось погане про Дяченка Івана Лукича? В серцях людей він живе і житиме, бо він зробив багато хорошого для наших людей.

Єфросинія КЛЮЗКО, 1903 р. народження
17.XI.75 р., м. Київ.

№ 16

К О П И Я

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

**КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ЧЕРНИГОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТ КОМПАРТИИ УКРАИНЫ
ПАРТИЙНЫЙ АРХИВ**

гор. Чернигов, ул. Ленина, 43, тел. 7-99-62, 7-32-79

№ 48/532

23 сентября 1981 года

АРХИВНАЯ СПРАВКА

Согласно решению бюро Черниговского обкома Компартии Украины от 28 января 1980 года ДЬЯЧЕНКО ИВАН ЛУКИЧ признан участником подпольного патриотического движения в Новобасанском (ныне Бобровицком) районе Черниговской области в период временной оккупации немецко-фашистскими захватчиками.

**И. О. ЗАВ. ПАРТАРХИВОМ
ЧЕРНИГОВСКОГО ОБКОМА
КОМПАРТИИ УКРАИНЫ**

подпись А. Минаева

